

Лешуков Леонид

КОГДА МЕНЯЮТ ВРЕМЯ

Сборник стихотворений

16+

Вологда
ВОУНБ
2018

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

Л53

Лешуков, Л. П.

Л53 Когда меняют время : сборник стихотворений / Леонид Лешуков. – Вологда : ВОУНБ, 2018. – 132 с.: ил. – 16+

ISBN 978-5-904318-44-4

В книгу никольского автора вошли стихи, созданные им в последние годы. Имея за плечами большой жизненный опыт, Леонид Лешуков пишет о том, что знает, что пережил. В новой книге читатель встретится со стихами, наполненными искренностью порывов души человеческой, признаниями в любви к родному краю, к близким, друзьям, товарищам.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

ISBN 978-5-904318-44-4

© Лешуков Л. П., 2018

© Оформление. БУК ВО «Областная
универсальная научная библиотека»,
2018

КОГДА МЕНЯЮТ ВРЕМЯ

Я родился 3 января 1959 года в деревне Шалашнево Никольского района Вологодской области.

В 1976 году окончил Байдаровскую среднюю школу.

Армейскую службу проходил в частях Краснознамённого Уральского военного округа. Живу в Никольске.

Трудовую деятельность начинал электриком. В настоящее время работаю инженером-энергетиком.

Литературу люблю со школьной поры, поэтому я благодарен моим учителям, библиотекарям за их кропотливую работу по приобщению к Слову. Стихи писать начал уже в зрелом возрасте. Первые свои произведения опубликовал в 50 лет.

Мои стихи печатались на страницах различных изданий, в том числе в коллективном альманахе «Звезда Поюжья», в коллективном сборнике «Рассветный час», в первом региональном сборнике произведений авторов-вологжан «В начале было слово», в альманахе «Никольска тёплый свет», в журнале «Автограф», в приложении «Вологодская тетрадь» портала «Российский писатель» г. Москва. Были изданы персональные поэтические сборники «Размышления» 2009 год, «Перекаты» 2011 год, сборник рассказов «Ну что, Петька, гроза будет?» 2016 год.

Желаю читателю новых открытий в моих стихах.

С уважением, Леонид Петрович Лешуков.

И БЕГУТ ЧЕРЕЗ ДУШУ СТРОКИ...

Рассматривая рукопись нового поэтического сборника Леонида Лешукова, я в первую очередь пытался понять, чего удалось достичь автору, в каком направлении идет его творческое развитие, каковы его отношения с языком. Поэту мало хорошо знать язык, ему необходимо чувствовать русский язык. Когда автор чувствует язык, его поэтическое переживание находит полное и понятное выражение.

Можно уверенно говорить, что Лешуков уже знает, что такое поэзия.

Это знание дается не каждому, берущемуся за перо.

Леонид Лешуков – автор нескольких поэтических сборников. Возглавляет литературное объединение Никольска. Принимал участие в конкурсе на Первую региональную литературную премию «В начале было слово» и стал финалистом конкурса.

Стихи Лешукова публикуются на страницах разных изданий. Он пишет о том, что видит, знает, пережил. У него большой жизненный опыт и в своей постоянной литературной работе набирается творческого опыта. Главные помощники ему в этом – книги. Надежная опора – классическая литература и жемчужины народного языка.

«Я пишу и, как плод, созреваю», – говорит о себе автор в одном из стихотворений.

Новая книга Леонида Лешукова вселяет надежду, что автор перешел из разряда учеников на путь самостоятельного творчества.

Пожелаем ему успехов на этом пути!

В. Мишенёв
3.04.18с.

Василий Мишенёв,
член Союза писателей России,
апрель 2018

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГВОЗДИ

Я долго вколачивал гвозди тупые
в крепкие доски с особым усердием.
От недругов разных я строил ограду
в свете, идущем из вычурных рам.
Какая-то нечисть мне подлости шило,
не целясь, вонзила в больное предсердие.
Разом погас на болтавшейся лампе,
двойною спиралью горевший вольфрам.
В майском саду соловьи на дуэли в ночи
распевались двойными октавами,
и яблони цвет наливали соком идущим,
и росы стелились белы.
Поздних костров остывающий дым
расплескался туманом над белыми травами.
Лишь ноги холодные подлостью чужая
грела на кучке пылившей золы.

СНИЛОСЬ

Свесилось сонное небо осеннее,
Ивы тугие сгибая в дугу.
Снилась мне, отроку, в белом – Есения.
Снилось ночное в осеннем логу.
Снились мне росстани в тёмных окалинах,
ранним морозом подбитых дорог.
Снились рябинники в рыжих подпалинах.
Снился отец, что вчера занемог.
Снилась мне тройка, деревней летевшая,
чалых, буланных, каурых коней.
Женщина снилась, совсем поседевшая,
с выцветшим фото своих сыновей.

ВОЛЬНЫМ ПО СВЕТУ Я ХАЖИВАЛ

Вольным по свету я хаживал,
боль за плечами носил.
Жизнью побило, приважило
из странствий к порогу, без сил.
Воды весенние вымоют
соль надоевшей зимы.
Ветры рассветные выдуют
боль из заплечной сумы.
Вея, рассеют над полюшком
желтым, отборным зерном.
Выложу вольную волюшку
в доме с открытым окном.
Сумку с плеча перевешаю,
вновь, на другое плечо
Ту, что судьбою обещана,
я обниму горячо.

СТОЯЛА НОЧЬ БЕЗМОЛВНО-СТРАННАЯ...

Стояла ночь безмолвно-странная.
С лугов тянулась тишина.
А над домами деревянными
ледышкой плавилась луна.
Село спало в ольховой замяти,
и не кричали петухи.
А я читал тебе по памяти
свои любимые стихи.
Семилинейка скупое теплила
огонь плетёным фитильком.
И ты, румяная, приветила,
поила тёплым молоком.
А я, краснея, вил колечками
холёный ус и умолкал.
На лавке белой перед псчкою
гебя, смущаясь, целовал.
Звезда свалилась многогранная,
порвав туман у облепих.
Стояла ночь безмолвно-странная
для нас, влюбленных, для двоих.

СКАЗКА ДЛЯ ВНУКА

День в окошке вьюгой сужен,
а за вьюгой миражи.
На столе остывший ужин.
– Деда, сказку расскажи, –
Просит внук, не засыпает.
Отказать бы-не хочу.
За стеной метель качает
трехсотваттную свечу.
– Где-то деве – златовласке
там, в неведомом лесу
кот Баюн приносит сказки...
(Околесицу несу).
В синем море, на просторе,
лебедь белая плывёт.
Поп с Балдою громко спорят,
белка песенки поёт.
Царь Салтан считает золото,
бабки ткут ему сукно.
Знал я сказки, внук, когда-то.
Знал давно, забыл давно.
Серый Волк царевну Анну
к берендеям увозил.
Нет? Не Анну? Даже странно.
Значит, снова все забыл.
Уж проворный вполз в ущелье,
что бы соколом парить.
Сам Кощеич в подземелье
приглашал меня пожить.
Серый Волк скакал по лесу,
Бабка Ёшка шаль плела.
Внук, прости за околесье.
Все забыл. Таки дела.
– Сватья с бабой Бабарихой
разложили козырей.
В дом заходит сказка тихо.
Засыпай, дружок, скорей!

ИЗЯЩНОСТЬ

Сударыня, прелесть какая луна!
Лимоном в стакане, испитом до дна,
брошена в небо, застыла, висит.
Пишет ей оду влюблённый пиит.
Художник спешит на сырые холсты
писать с белоликой с изыском черты.
Ваятель, сминающий глину в руках,
эту изящность готов на века
в образе девы в мрамор врубить.
А дева в светёлке на лунную нить
жемчуг нанизала тонкой рукой.
На окна смотрела с немою тоской:
Ваяют и пишут холодной луне,
а к ней не приходит любовь и во сне.
Ей злато зачем и жемчужная нить?
Ей бы с любимым по реченьке плыть.
О, дева, о, радость, безгрешна луна!
В любовных томлениях властна весна,
влюбленное сердце (семнадцать ей лет),
и тот, о луне написавший, поэт.

ЗВЕЗДА И МИМОЗА

В небе звезда красовалась,
среди множества, ей же подобных.
Мимоза расти оставалась,
пока не сорвал я для пробы.
Потрогав цветок беззащитный,
бездумно я бросил за книги.
Шагнул я на щебень гранитный,
взглянув на дремавшие лики
портретов великих и новых.
Прощаясь с пригревшим приютом,
не знал ничего я такого:
Не знал, что споткнусь в перепутье,
что будут пощёчины, ласки.
Что будут хвальба и посулы,
что жизнь не восточная сказка,
и подлость страшнее акулы.
А я ведь любил, отрекаясь,
и слушал сердечные крики.
Писал я стихи, упиваясь,
а бросил мимозу за книги.
Я дом свой оставил и песни,
что мама у люльки мне пела.
Упала звезда в перелесье.
А мама моя поседела.
Из множества звезд в поднебесье,
одна улетает под грозы.
И, может, за маминой песней?
А, может, к засохшей мимозе?

НАРУМЯНЕННАЯ РАНЬ

Я не спорю ныне с болью.
Не тревожу. Не сужу.
Тёплой ранью по заполюю
я с корзинкою хожу.
Там берёзовые дали
да малиновый рассвет
В эту рань меня позвали
от печалей и от бед.
Будто хмелем опьяненный,
будто первый цвет в доли,
я, птенцом новорожденным,
рад и свету, и теплу.
Васильковой луговиной
вдоль ромашковых полей
я пойду к реке любимой
и оставлю сердце ей.
И у струй её спокойных
отрешенный посижу,
и не спорю нынче с болью,
не тревожу, не сужу.
Пусть печаль меня отпустит,
пусть судьба покажет грань.
Повенчай со светлой грустью,
нарумяненная рань.

В ПЕСКАХ

«Твой наступил черёд!» –
Ветер с песков зовет.
Оазис прохладу вьёт.
Мой ожиревший ум
Киснет от долгих дум.

Где-то в песках мой рок.
Выходит: пришел мой срок.
В пустыне поет песок.
Сжигает родник жара.
Значит, идти пора.

Ступает ступня в песок.
Сверху, наискосок,
Солнце сечёт висок,
Как палашиом – в замах.
Стих опахала мах.

В рубахе засохший пот.
Изо дня в день ползет
В уши, в охрипший рот
Песков надоевший рёв.
Шляпой прикрыта бровь.

Печален песчаный вой.
Взгляд из-под шляпы пуст.
Только сандаальный хруст.
Ноги избиты в кровь.
Что там? Мираж иль кров?

СКАЗАНИЕ О ВЕСНЕ

Ах, весна, весна – девка красная!
Ты зачем пришла к нам с ненастием?
Вот опять снега буйно кружатся,
на земле лежит бело кружево.
Где твои, весна, платы пёстрые?
Соловьи твои где под звёздами?
Где же зорь твоих ленты красные
над рекой моей, над Никитихой?
Приводи, весна, солнце жаркое,
подари, краса, небо яркое,
растопи снега на змелюшке,
ото льдов спаси речку-реченьку!
Наряди в цветы сад да полюшко,
соловьёв пусти, ты, на волюшку!
Потечёт вода в речке, вспенится.
Будут петь тебе славу вечную,
славу вечную, песнь хвалебную,
спроворят тебе пива хлебного.
И пойдут плясать у Никитихи
парни с девками краснощёкими.
Оживёт мой край, наша родина,
край берёзовый, край смородины.
Приходи, весна, крутобокая,
светлокосая, синеокая.
Приходи в венке яркой радуги,
приходи, весна, с новой радостью!

ЗДРАВСТВУЙ, КЛЕВЕРНОЕ ПОЛЕ!

Воля! Воля! Воля! Воля!
Ветер рвет рубахи шелк.
Я по клеверному полю
 побежал, упал, умолк.
Веет свежестью медвяной.
Ветерок летит с низин.
Я сегодня волей пьяный!
Я свободен! Я один!
Я свободен от соблазнов
 мегаполисных трясин.
Глаз ласкает клевер красный.
Шмель мелькает. Синь и синь!
Я от косности свободен,
лгать не надо и дрожать.
Знать, судьбе своей угоден:
дар открылся убежать.
Пахнет мёдом. Любо! Воля!
Птица певчая кружит.
Здравствуй, клеверное поле!
Петь хочу! И жить да жить!

ДОБРАЯ ПЕСНЯ

Город мой провинциальный
спит, укутанный туманом.
В тишине густой,прощальной
дремлет солнце за холмами.
За церковною оградой
в кронах птица шебуршится.
От реки плывёт прохлада.
Зорька в окна вновь стучится,
алый полог с неба свесив.
«Добрый день.Я с доброй вестью», -
скрипнет старая калитка,
пригласив домой влюблённых.
Заползет на лист улитка
греться в золоте калёном
первых солнечных лучей.
«Добрый день! Я с доброй вестью», -
прозвенит в саду ручей.
«Всё ли ладно, всё ль на месте?» -
белый дым плетёт колечки.
«Добрый день! Я с доброй вестью», -
мать «колдует» с русской печкой.
А на печке «ходит» тесто.
С криком бабки повивальной:
«Добрый день! Я с доброй вестью!»
в городке провинциальном
я родился. Здесь мне место!

ОСЕНЬ ЛИСТИКОМ МЕДНОГРОШЕВЫМ...

Осень листиком медногрошевым
на воде холодной дрожит.
Что же плачешь, моя хорошая?
Кто обидел тебя? Скажи.
Слёзы дождиком мелкосеяным
третий день по стеклу текут.
Я затворником, как насельником,
Вам пишу, поправляя жгут
на светильнике преждеделанном,
вновь в деревне погашен свет.
Что грустишь ты, моя несмелая?
Плачет осень. Ответа нет.
Иль тебя я не так расхваливал?
Иль красивых стихов не пел?
Иль за Северными Увалами
голос мой уж охрип, осел?
Стыни станут под звёздным крошевом.
Север выстудит капельки слёз.
Что грустишь ты, моя хорошая,
под злачёной накидкой берез?

ПОВОРОТ

Лиане Цвелых

Спелые яблоки, с веток упавшие,
осень укроет холодной листвою.
Так и бывшее, хорошим не ставшее,
где-то безвестно сгниёт под травой.
Душу живую от грешного бремени
осень очистит, что твой чистотел.
Жить в постоянстве, не в образе временном,
я в этой жизни безумной хотел.
Пел я об этом, кричал и рассказывал.
Голос мой громкий сорвался, затих.
Зря свою удаль, бахвалясь, показывал,
зря «першерона» сменил на лихих.
Ехал б тихонько, писал да насвистывал,
по долгой дороге без всяких забот.
Я всё лихих погоняю неистово,
даже не видя, что есть поворот.

ДВА ОЗЕРА

Опус сей – вымысел лишь,
Читая его, не верьте:
В озере Дсвы тишь,
В моем разгулялись черти.
Над озером тем свет,
Дева поет с Лелесм –
в моем оставляют след
листьев гнилых прели.
На озере том мир,
пары влюбленных в лодках,
а над моим в эфир
Орут луженые плотки.
И берег мой сер, сыр
Крест да огонь рядом –
у Девы – горой пир,
там у неё – радость.
Дни. Черета ночей.
Сутки уходят в годы.
А я копаю ручей,
чтобы смешались воды.

РУССКАЯ ПЕЧКА ДО ЗВОНА ПРОГРЕТА...

Русская печка до звона прогрета,
нежит, ласкает теплом кирпичей.
Лучик вечерний ушедшего лета
робко, стыдливо присел на плече.
Чайник забытый, сопя, закипает,
гнётся к окошку ватага ветвей.
Кот-несмышлениш тесёмкой играет
ворота белой рубахи моей.
Осень поет монотонно над вьюшкой.
Жар одуряя, к воротам плывет.
Плачет над речкой рябина-подружка,
горюет о лете, и дождик идет.
Идет потихоньку, и ноют суставы,
капает в кране зачем-то вода.
Когда же морозы погода поставит?
Когда же на Землю придут холода?
Пойду я к рябине по первому снегу,
пусть солнце еще не взлелеяло высь,
в душевной истоме к ручью-оберегу
ягоду красную с горечью грызть.

ИТОЖУ ВРЕМЯ

Год из жизни был пройден, прожит,
И под спудом не рубль положен.
Стал к другим и к себе я строже.
Время дел я своих итожу.
Дом построен, и сад посажен.
Стал мудрей я и, вроде, важен.
И пишу стихи на досуге,
И дарю их друзьям в округе.
За столом-велико семейство.
Не приемлю безумных действий,
Если жить, так уж правды ради,
Ради прочего жизнь не в радость.
Я горжусь, что кому-то нужен,
И живу я со всеми дружно.
Вот и время, храня, итожу.
Год из жизни не зря был прожит.

ЗВЕНЬ

Промерзшие ветлы склоненно
стегали холодную грудь.
Судьба – мой попутчик смирённый,
торила неведомый путь.
Летела свозь рваные тучки
январская звездная звень.
Меня торопил мой попутчик,
мелькали огни деревень.
Чернели дома и погосты,
да остовы сирых церквей.
И было бы проще и просто:
Сменить мне лихих лошадей.
И дальше бы с новой упряжкой
вдоль черных лесных деревень
скакать, погоняя с отяжкой,
под звездную стылую звень.
Но сбились и спутались кони,
и ехать, и думать мне лень.
А звень мою память схоронит
в Заполье родных деревень.

КТО Я?

Я пишу и, как плод, созреваю,
Если спросят: я кто и каков?
Беспокойную душу вливаю
Я в безмерное море стихов.
Не аскет, не ханжа, не отшельник,
Жизни радостен каждый часок.
И легко я встаю в понедельник,
И шагаю легко за порог.
Принимаю и радость, и боли,
Понимаю стихи и грехи,
И горюю в непаханом поле,
И рождаются сердцем стихи.
Дар отмерил кому-то Всевышний.
Мне – моё, как сердечный звонок.
И надеюсь, что буду услышан,
Что прочтут эти несколько строк.

ОТЧАЯННЫЙ

В рубахе – цвета шиповника,
С полным карманом крыжовника
Иду-прохожу отчаянный,
Непонятый, неприкаянный,
Мимо её палисадника
В тихом зеленом садике
В рубахе прожженной, крашеной.
Не к вашим я и не к нашим я!
Нарвал у соседа-садовника,
Скучая, нарвал! – крыжовника.
Я сам по себе. Отчаянный,
Собакой не раз облаянный,
Дважды же ею покусанный,
Иду, пригибая кустики,
В рубахе прожжённой, в крапинку.
Статью – в породу папину.
Маюсь, стою за хатою,
Хочешь, прочту Ахматову?
Что ж ты, моя русокося,
Парня такого бросила?

МАТЬ-ИЗБУШКА

Мать- избушка под красною охрою,
Что ночами не спишь и скрипишь –
Как старушка почтенная, охаешь,
Как вдова на поминках молчишь?
Вновь тебе и не спится, и плачется
От тоски наболевшей твоей...
Где те девочки в ситцевых платыхах,
Где хозяин, поивший коней?
Где сыны, что главою под матицу,
Где хозяйки залиvistый смех?
Черный тлен к этой матице ластится,
Буйный ветер спешит для потех.
Только ставни стучат незакрытые,
Да гнетущая бродит печаль...
Мать- избушка, живыми забытая,
Смотрит мертвыми окнами в даль...

БОЛИГОЛОВ

*«Не вымолвишь, так выболит»
Народная поговорка*

Я чужие места раскрашивал,
Не жалея красивых слов.
А поди ж ты, растет в Шалашневе
Под угором болиголов.
Ветер платице мял ольховое
И заламывал куст, сердясь.
Запах тяжкий болиголова
Зазывал меня в куст упасть.
Зазывал он меня забыться
Одурманенным крепким сном.
Только что мне в том сне приснится?
Мама? Детство? Забытый дом?
Он не знал, что иду давно я,
Отупевший от пышных слов...
Ты ли станешь, моей стеною,
Под угором болиголов?
Да и что мне такие стены?
Запирала покрепче жизнь!
Убегал я от жизни брэнной.
От себя вот куда сбежишь?
...Обнимаю ольху за талию,
И шмелиный гудит облёт...
Подарила мне жизнь проталину,
И ольха моя вновь цветет.
И любовь, как ручей в валежнике,
Потихоньку найдет свой след.
А весной расцветут подснежники,
Между льдинок спеша на свет
И всплакнут журавли в Микитихе,
Собираясь лететь на юг...
А слова я найду нехитрые –
Про Отчизну найду – не вдруг.
А слова не бычок в околице:
Отпустив, не привяжешь вновь.
И растет себе вольной – вольницей
Под угором болиголов...

ПАДАЛ СНЕГ НА БЕЛЫЙ ХРАМ

Падал снег на белый храм
Запорошена дорога.
Что судьба ссудила нам:
Меч, кошель иль веру в Бога?
Падал снег на Божий храм,
Все обильнее и гуще.
Ниспошли, Господь, рабам,
С покаянием идущим:
Светлой скромности пошли,
И от блуда отреки их,
До твердынь Святой земли
Укажи им путь Мессии.
Придержи дурных коней,
Поддержи, душой ослабших,
А замерзших обогрей
И прости греховнопавших.
Меч убийственный спали
Чистой молнией прощенья,
Силой слабых надели,
Тёмных светлым Воскресеньем.
Алчным золото раздай,
В грешном мире их не много,
Отведи безвинных в Рай,
И прости нас, ради Бога.
Падал снег на белый храм.
Не протоптана дорога.
Суждено ль прощенье нам,
Нам, уверовавших в Бога?

И ЧУДИТСЯ МНЕ...

Поезд мотается в разные стороны.
Стуки на стыках тревожат окрест.
И едут вагоны, пустые и полны,
Срывая народы с насиженных мест.
В них все однолики: торговка и мастер,
Поэт и игрок, разложивший «буру»,
Духовник-расстрига, смешной и гривастый,
Электриком бывший когда-то в миру.
Толкаемся, курим и ходим, и спорим,
Вагоны скрипят, и мотает состав.
Поём и смеёмся, и каемся в горе,
И спим безпробудно, от скуки устав.
И едем, и едем: на шахты, в деревни,
В леса, на курорты, в больницы, в бордель.
Цветной кинолентой: то горы в деревьях,
То табор цыганский, то злая метель.
Оставь своё «я», за ворота входящий,
Сидящий в купе или спящий в углу.
Везет этот поезд, по рельсам летящий,
Поэта к Парнасу, расстригу в тайгу,
Торговку на рынок, студентика к маме,
Влюбленных за счастьем, раскольника в скит.
...И чудится мне: за вагонною рамой
Свободною птицей Россия летит.

КРАСНЫЙ ОГОНЬ

Мне привиделся красный, дрожащий огонь
на обветренном, черном огнище.
Мне пригрезился бешенный, стонущий конь,
обрывающий цепь на дворе.
Мне почудилось в этом забытом краю
одинокое пенье гармонии.
Только я иль не я на огнище стою,
и мои ли там топчутся кони?
Да, и в свой ли табун, рвется яростно конь,
без узды, на цепи за порогом?
Как охрипший трибун, замолчала гармонь,
потревожив меня ненароком.
И не греет нисколько бездушный огонь
и чадит на греховном огнище.
Продан кем-то давно необъезженный конь,
и завистник язвительно свищет...

В ШАНТАНЕ

Я ещё не мыл стаканы
в том, заплёванном, шантане
а, за стойкой восседая,
черный кофе попивал.
Не таскал с жаровни странных,
недожаренных каштанов,
ночью музу обнимая,
на окне стихи писал.
Я калёный нож не видел
в злой руке босого парня,
честь девицы защищая,
выпад в спину прозевал.
Огрубевший подорожник
полосой своей рубахи,
ус расстроено кусая,
сам на рану привязал.
Но разрезал долю ножик,
улетело счастье птахой,
вдалеке крылом махая,
недолюбленной кричать.
И остался я в шантане
петь куплеты, мыть стаканы,
в кулаке слезу сжимая,
с грустью юность вспоминать.

НЕ ОТДАМ !

*«Было-было, да прошло,
только памятью – тальянка...»
О. Кульневская*

Не отдам в залог тальянку!
Нищим стану – не продам!
С ней, как раньше, спозаранку,
Я отправлюсь к сплавщикам,
Что по Юг-реке гоняли
До Двины свои плоты.
Отсплавляли, отыграли,
За собой сожгли мосты.
Нет того речного братства,
Рядом крепкого плеча.
Сапоги, багры пылятся.
Чайка снится. Чья ты, чья?
У поюжского починка
Восхваляю край речной
Ты, душевно и с грустинкой
Пой, тальянка, плач и пой.
Ты, гуляй, ходи по кругу.
Нынче здесь я, завтра там,
Так давай, споем, подруга,
Славу югским сплавщикам.
Реки, реки-северянки,
Уж не плыть большим плотам!
Не продам свою тальянку,
Не продам и не отдам!

КОРЕНЬ

*«Нельзя допустить, чтоб народ
ушел со своей земли, нельзя!»*

В. И. Белов

Цветом северной брусники
Жизнь рождалась на Земле,
Как слова для Вечной Книги
Или солнышко во мгле.
Я давно живу и знаю:
Крепко стал я на земле.
В поднебесье не летаю,
От хвалесбных слов сомлев.
А дела мои разложат
Люди, выставив на суд.
Всё хорошее помножат,
Всё плохое отметут.
И останусь жить с любовью,
И изъяны мне простят,
Крест повешу к изголовью,
Ведь на нем Христос распят.
Сокровенное, святое
Я раздам родным, друзьям.
Напишу стихи в покое,
Коль потянет вновь к стихам.
И отвечу, коль окликнут:
«Крепок корень мой земной,
Как распаренное лыко,
Как Ярило над страной.
И с рождения до тризны
Здесь мой дом, моя стезя.
И нельзя мне без Отчизны,
Без родной земли нельзя!»

ЕРЁМКА

По лесной опушке
Шел колдун Ерёмка
В шапке с белым ушком,
В пояске с тесёмкой.
Изо льна рубашка
Да камзол до пяток,
Соловейку-пташку
Величал он братом.
Песни пел Ерёмке
Соловейка гордый,
А колдун на хромке
подбирал аккорды.
В домик под рябиной,
Где светло и просто,
Бабушка Кикима
Приходила в гости.
Приезжали черти
В марте на салазках
И читали (верьте!)
Нам с Ерёмкой сказки.
Ну, а я к Ерёмке
Заходил по-свойски.
Голосил под хромку,
Чай дарил в авоське.
Щедростью растроган,
Как султан от власти,
Сочинил он слоган:
«Здравствуйте на счастье!»
Здравствуй, друг Ерёмка,
В доме на опушке,
С неизменной хромкой,
В шапке с белым ушком!
Из брусничной чащи,
Как бальзам для сердца,
Приходи почаще,
Весточкой из детства.

В СТОРОНЕ ЛЕСНОГО ЭХА

Был районный концерт обыденным.
Пел, старался лихой певец.
Хор усердствовал. Деньги выделил
Новый местный русский купец.
Пел тот хор про любовь, о лютиках.
Песнь закончилась. Зал затих.
А над залом кружил парашютиком
Тани Ветровой легкий стих.
Как туманами из-за Кичменги
Свежим дунуло в жаркий зал.
(Иль в стихах у Татьяны вычитал?
Или сам я ей то сказал?)
Нам читала она про иволгу,
О дождях, улетевших в даль,
Где грустившая, тонкая ивушка
В речке мыла зеленую шаль.
Мне б решиться и, вновь, приехать,
Но заветный найду ль конверт?
А в сторонке лесного эха
Шел обычный районный концерт.

ОДИНОЧЕСТВО

Страдало одиночество,
Грустило одиночество,
Блуждало одиночество
Среди дверей и штор.
Сбылось её пророчество,
Нелепое пророчество,
Жестокое пророчество,
И суд судьбы был скор.
И в доме том, оставленном,
И гостем тем, непрошеным,
За стенами, за ставнями,
На пыль времен отброшенным,
Кричало одиночество,
Страдало одиночество,
Стояло одиночество,
И пел совиный хор.
...Касанье осторожное,
За криком не заметное:
Иль в гости к одиночеству
Иль посохом в притвор?

МАЛЬЧИК РИСУЕТ НЕБО

Мальчик рисует небо,
На небе рисует солнце.
Под солнцем рисует домик,
С синим, как снег, оконцем.
Кисточкою в ладошке:
Мальчик рисует маму,
К маме рисует кошку,
Сестренку с зеленым бантом,
Корзину янтарных яблок,
Друга на самокате.
Над домом рисует небо.
Красок для неба хватит.
... С неба ещё не стреляют.
Под небом пока не стреляют,
И в доме не пахнет гарью.
Мальчик рисует небо...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Под шинелью бродил озноб,
И ломалась в полах шинель...
Шел домой я. Мела метель,
Загибая кусты в сугроб.
Ветер вился, выл семижил,
Зарывая в снега пути...
В дом отцовский скорей войти,
Я из вотчин чужих спешил.
Средь деревни, среди берёз –
Дом родительский, милый дом:
В переулке, особняком –
Мой спаситель и скрытник грёз.
Билась выюга о край стрехи,
Завывая, стуча в окно...
...Я на печке лежу давно,
А под крынкой лежат стихи.
В крынке рыжиков, чуть, полста,
На тарелке - солёный груздь.
Ты прочтешь стихи наизусть,
Я на печке усну, устав.
Всё былое, как боль пройдет,
Расплывется, как синь – метель.
И подсохнет за ночь шинель,
Мама свечку, молясь, зажжёт...

ЖАЛОСТЬ ГРЕЯ В ПОДРЕБЕРЬЕ...

Жалость грея в подреберье,
Без любви схожу с ума.
Проскрипев промерзшей дверью,
В дом ко мне вошла зима.
Скромной гостьею, тихонько,
Села в шубке на порог.
Позаснежила сторонку.
Накружилась без дорог.
В песнь пропетую куплеты
Не вписать. И жди – не жди.
Нам дарило счастье лето,
Но разлукой жгли дожди.
За дождями, безотраднa,
К нам опять зима пришла.
Помириться нам бы надо:
Нет любви, да ночь мила.
Грею жалость в подреберье
И в стихах прошу: «Прости!»
Прислонившись к белой двери,
У меня зима гостит...

СБИВАЮТ КРЫЛЬЯ С БОЛЬШОГО ТЕЛА

Сказать толково давно мечталось.
Играл я словом, и мне досталось:
Сбивают крылья с большого тела.
Душа осталась, не улетила.
Избитой фразе я рад, как нищий,
Когда целковый в дерьме отыщет.
И мне за слово давали грошик,
И мне кричали, что я хороший.
Я пел им песни. Они рыдали.
А пошатнулся, смеясь пинали.
Почуяв слабость, меня толкнули.
Тянули жилы – не дотянули!
Горело сердце, как сердце Данко.
Душа рыдала, как песнь шарманки.
Сказать хотелось, слова звенели.
В немилость впали вдруг менестрели.
Сбивают крылья с большого тела,
Душа кричала, летать хотела.

ДЕД

Не помог тезфедрин,
День серей поташа.
Дед опять сидит один,
Деда мучит кашель.
Дышит дед мой через раз,
В грудь рукой колотит.
Пред глазами смерти глаз,
Осенью в болоте.
Пред глазами сапоги,
Друг. Его убило.
Все оплачены долги.
Все завиты жилы.
Можно завтра помирать.
Все пощупал беды.
Кашлянул. Пора вставать.
Завтра День Победы.
Заблестели ордена,
Дорог День Победы.
Поклонись ты им, страна.
Живы наши деды!

ПОД ЗЕЛЕНЫМ ЛУНЫМ СВЕТОМ

Под зеленым лунным светом
Росы падают на травы.
Под зеленым лунным светом
Лодки спят у переправы.
Над зеленым лунным светом
В вышине сверкают звезды.
Под зеленым лунным светом
Их в твои вплетаю косы.

Даже россыпь рос холодных,
Словно россыпь изумрудов,
Даже россыпь рос холодных
Принесу тебе на блюде,
На серебряном, сегодня!
Подарю кристаллы эти,
что б горел огонь зеленый
при печальном лунном свете.

И помощников случайных:
Ночь, луну и вольный ветер,
Для единственной на свете
Попрошу достать к венчанью,
То ли честно, то ль обманом,
Золотою нитью шито
Платье в звёздах, из туманов.
И фату – из лунных нитей.

И с надеждой затаённой
Украду чужую лодку.
По волнам реки зеленой
Увезу свою красотку.
Под зеленым лунным светом
Я под церковью причаляю.
Под зеленым лунным светом
Пусть с любимой обвенчают!

ПОКЛОНЮСЬ

Напахнуло цветущей смородиной,
Налетела щемящая грусть.
Принимай-ка заблудшего, родина.
Возвращаюсь. Винюсь. Поклонюсь.
Роднику поклонюсь говорливому,
Православным упавшим крестам,
Журавлям за Федюниной Гривою,
И знакомым из детства местам.
Где тропинка петляет за ивами,
Где наш дом – наша малая Русь,
Где такими мы были счастливыми ...
Этой светлой земле поклонюсь.

МНЕ БЫ ПОКАЯТЬСЯ

Видятся мне за осинником – в рост –
храм доживающий,
ржавые травы да серый погост,
пёс ожидающий.
Слышатся мне на холодном юру
песни венчальные.
Голые липы на стылом ветру
плачут печальные.
Тянутся там, за полуденной ржой,
тропы окольные.
Иду я по тропам не свой, не чужой...
Волюшка вольная!
Горем не битый, и в сердце не жжет,
жизнь продолжается.
В храме, вот только, солома гниёт...
Мне бы покаяться.

ЛАДНО БЫ БЫЛО

Поле к деревне пришито, пристёгано
ниткою ельника – нитью суровой.
Стёжками крупными, будто бы скобами,
намертво, накрепко сцеплены, скованы...
Ладно бы было, коль волюшка вольная.
Хлеб нарождается – видно по молодежи.
Кто ж уберёт это поле привольное,
коли в деревне ни девок, ни молодцев?
Или ему уготована долюшка
(как у Некрасова: нивой не скошенной):
Малому полюшку, русскому полюшку
быть позабытым и быть позаброшенным?

Я ИГРАЮ В ДУДУ

За окошком распахнутым я играю в дуду.
Я под дождь – хоть не сахарный – ни за что не пойду.
Пароходик отчаливший одинокий кричит.
Спорят шумно, отчаянно воробьи и грачи.
Дождь негаданный радует и шумит за окном.
Ярко-пёстрая радуга заняла окоём.
Греет солнце умытое васильковую гжель.
И в окошко открытое завивается хмель.
Над покосными тропами ветер-ухарь шалит.
Пароходик потрепанный окликает в дали.
Он из царства морозного убегает в весну.
Я под пологом розовым от гудков не усну.
И под дождь – хоть не сахарный – ни за что не пойду.
За окошком распахнутым я играю в дуду.

СЕРЫХ СТОГОВ ОБВЕТШАЛЫЕ ОСТОВЫ...

Серых стогов обветшалые остовы,
кладбищ безмолвная твердь,
гибкою ивой заросшие росстани –
ты ли, отчизна? Ответь.
Родина малая, милая родина –
звоны лесных родников,
спелые зернышки, светлая родинка,
сильная стать мужиков.
Малая родина – косы до пояса
строгих, застенчивых дев.
Милая родина – сини до полюса,
певчих дроздов перепев,
грусть превеликая, страсть уходящая
в отблесках солнечных брызг.
Малая родина – боли щемящие,
крики тоскующих изб.
Малая родина – нам забывающим,
скорбный и долгий укор
памяти стёртой, крестов зарастающих,
трои на Олёшкин угор.

ВЕК ЖИВИ И ВЕК УЧИТЬСЯ

Осень жизни. Дым летает.
Выживаем и стареем.
Книгу жизни сын листает,
Вырастая, матеря.

И любовь пускай довлеет,
И печаль пускай довлеет,
И судьба пускай довлеет,
Скачет тройка, тройка-жизнь.

Милый мальчик, будь смелее,
Милый мальчик, будь скромнее,
Милый мальчик, будь храбрее,
Век живи и век учись.

Будут храмы, будут ямы:
Понукая тройку, мчись
С чистой совестью и прямо.
Век живи и век учись.

МЫ ИДЕМ ПЕРЕВАЛАМИ

Окна юрких автобусов
посерели в пыли,
а на маленьком глобусе
нет ничейной земли.
Всё исхожено, пройдено.
Мы идем и идем,
то расселиной, поймою,
то тропой на подъем.
Мы идем перевалами
с рюкзаком на плече,
меж камнями немалыми
выбирая ночлег.
Под седыми Стожарами
притомило отряд.
Золотыми пожарами
догорает закат.
И молчит шестиструнная,
и костер не дымит,
лишь вода звонкострунная
в перепадах гремит.
И проворное, горное
вторит эхо орлам,
и счастливые, гордые
мы идем по горам.
Где туманы кудлатые
бородами трясут,
мы уходим с ребятами...
А...автобусы ждут.

У МИРОШОНКОВ

Уж заржавленное било
где-то брошено давно.
И давно уже прогнило
деревенское гумно.
Не скрипят в пыли колеса
кошевых, телег и дрозг.
Нет зажинок и покоса,
и в суземы нет дорог.
И в логу у Мирошонков
лес взметнулся до небес.
А когда-то эхом звонким
отзывался дальний лес.
И косцов лихих не видно
ни на пожнях, ни в логах.
Больно мне и так обидно -
Боль моя в моих стихах.
Я люблю мою сторонку!
Как умею, так люблю.
И в логу у Мирошонков
я постельку постелю.
Из душистых трав таёжных
мне б постель соорудить,
чтобы стало невозможным
с болью родину забыть.

ВОЛЬНЫЕ СТИХИ

На черных камнях собираю плавник
непросохший.
Тщетно огонь добываю.
Зазимье.

Режет дамасская сталь колбасу на кружочки.
В ножнах кавказских ей честь уготована быть.
Дело ли сабле по соли елозить?

Рысь пред прыжком разминает когтистые лапы.
Хохлатка в кустах под крыло молодежь
собирает.
Как кратко дыхание жизни.

Голос красивый застыл на октаве.
Я слово вставляю в оправу волшебных,
изысканных звуков.
Звучит серенада.

В чаше хрустальной с вином виноградным
Орден златою огранкой искрился.
А раны всё ноют и ноют!

Пастух загоняет в загоны отару.
Блудливой овцы не хватает.
Константа?

И НЕ ХУДО МНЕ И ЛАДНО...

И не худо мне и ладно.
Жизнь моя, как долгий день.
То ли с жаром, то ль с прохладой,
мне уютно. Синь да тень.
Окна синие мигнули:
ранних сумерек черёд.
И дома в снегах уснули,
и извечный снег идёт,
и летает по-над логом,
и кружится меж берёз,
и белил угор отлогий,
и слепит глаза до слёз.
Белой крошкой засыпает
в поле заячьи следы.
На моей ладони тает
в две-три капельки воды.
И не худо мне и ладно:
– День постой, остановись!
...Снег летает за оградой.
Снег летает. Жизнь, как жизнь.

ЛОПОТАЛИ ГЛУХАРИ...

«Лопотали» глухари в ельнике, под лапами.
Билась речка на быри – на камнях у запани.
Уходили кулики в камыши с осокою.
Жались липы у реки к берегу высокому.
У деревни говорят звоны с переборами:
то гармонь выводит лад песни над угорами.
Заиграл ночной огонь золотыми искрами.
Испечалилась гармонь на скамье пред избами.
Не дошла пока гроза к ельникам за омутом.
Юных лип любя краса бурю не тронута.
И по травам у реки ветерок не носится.
Не рыдают кулики обо мне до осени.
И в еланях глухари пляски – свадьбы празднуют.
Дни мои – календари, будто листья, разные...

В ОБЩЕЖИТИИ

Полуночью стукнет выюга
хрупкой форточкой окна.
Пса загонит в тёплый угол,
лужи выстудит до дна.
С полусонных трёхэтажек
свесит снег, что кружева...
Дворник Филина Наташа
колет в кубовой дрова.
В общежитии студентов
дух Лассалья и бедлам,
спор извечных оппонентов –
юных дев и классных дам.
Пир с копеечных стипендий,
гостекомнатный вояж,
каберне заменит бренди
под мальчишеский кураж.
Застаревшие дебаты:
Что первично? Плоть иль дух?
Иль пошлют весной в солдаты?
Год служить ли вместо двух?
В головах – сплошная каша:
выюга, сон и кружева.
Только Филина Наташа
колет в кубовой дрова...

ДЕНЬ МОИХ СОМНЕНИЙ

Гостем незванным порою морозной
день, уходящий соседом в тулупе,
я, будто бы хрящ из холодного супа,
зубами стальными, прищурюсь, сжимаю.

И знаю, что поздно, и верю, что глупо
ушедшее славить. А я восхваляю
вчерашнее - это, толченное в ступе,
и ставшее ныне (обидно!) бесхозным.

Я день отживающий стиснул зубами,
и жалко, ведь, всё же - моё, ведь, бывшее.
И в ступе столетий толчётся иное,
грядущее время с другими словами.

Поэт безмятежный, что окриков грозных
наслушавшись в шуме разделов поэзы,
мешает каноны, расклад, антигезы
и пишет, и пишет, в усы улыбаясь.

Стихом услаждая, читает, смущаясь,
не видя шипов на разбросанных розах.
И юная дева, печалась о срезках,
косынкой закрывшись, записку бросает.

День, численник давних сомнений листая,
однажды вернётся, как инок молчащий.
И мне, и поэту сей день уходящий
хорошего, доброго дольку оставит...

ПРО ФОМИНСКИЙ ГОРШОК

*Марии Николаевне – мастерице-гончару
посвящается*

Тёща глину месила и лепила горшки.
По-простому красивы, по весу легки.
И звонки, что тальянка иль звонцы под дугой.
Печь горит спозаранку у пруда под иргой.
Завертелось кружало, вырастает горшок.
И канва побежала, как исток на лужок.
Будто змейка скользнула по ребру ободка,
то узор выводила мастерицы рука.
Проходили зажинки, собирался товар.
И горшочки и крынки мы везли на базар.
Покупатели сразу кушаки на плетень:
– Любо-дорого глазу – знать, фоминская звень!
Как морозово-алы малой крынки бока!
А полушка-пиала до чего же звонка!
И горшки: под жаркое, под сметану да квас,
под желанье любое и на раз, и в запас!
...Теща глину месила утром впрок, до поры.
Живы будьте да в силе, мастера-гончары.

ЗИМНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Рвутся к мартовским рассветам
под зеленым льдом ключи.
Краснотал озябшей веткой
по ночному льду стучит.
Белый луч звезды, кочуя
в ворохах снегов пропал.
И стучит в ночи, тоскуя,
тонкой веткой краснотал.
На краю крутого яра
вьется зимний ветерок.
У реки горит, не жарок
полуночный костерок.
Иль рыбак там закружился,
поздний путник задремал?
На излете снег ложился
на промерзший краснотал.
А костер зовет манящий
в темно-сливовой ночи,
и спешат, спешат к рассветам
под зеленым льдом ключи.

НЕ ПОЮТ МЕТЕЛИ В ГОЛОС...

Не поют метели в голос.
Снег леса не серебрит.
Не встает зима на полоз.
Силы нет. Декабрь дождит.
Было все в начале ладно:
Он студил и снег метал,
и луну, большой оладьей,
ложкой по небу катал.
И серебряные звезды
чистил ватой облаков,
и щипал за щеки поздних,
подгулявших чудаков.
Заболел декабрь, иль что ли?
Иль по-старчески хандрит?
Только нет метелям воли –
пятый день дождит, дождит.
Только тают постепенно
горки, санные пути.
Заболел декабрь степенный –
Не проехать, не пройти.

НЕ ЛЕГЧЕ

Нет, ни на толику, не легче
от слов, проплаканных вдвоём,
коль совесть бросила на плечи
остаток жизненный кулём.
Когда уходишь безоглядно,
судьба вильнет на вираже.
Тебе все кажется неладным
осадком тяжким на душе.
Но изменить уже не хочешь
того, что слажено с судьбой.
И вновь над жалостью хохочешь,
как над распластанным собой.

В ДЫМЧАТЫХ ТРАВАХ

В дымчатых травах лугов августовских
лето каталось на рыжем коне.
Била подковой литою, ростовской,
кобыла, тоскуя в ночном табуне.
В новой рубахе, цветной, зарубежной
ехало лето, храня скакуна.
Костёр догорал на речном побережье,
и плакала грустно гитары струна.
Наладив крючок, снаряженный миногой,
юность бродила босой по реке.
Хотелось у лета изведать о многом,
но лето в сентябрь унеслось налегке.
Струна, пред костром отзвенев, замолчала.
Река подвозила вишнёвый туман.
О, как мне хотелось, что б юность встречала,
и пил бы я сладкий, любовный дурман!

СТИХИ НЕ КЛЕЮ НА СТОЛБАХ...

Стихи не клею на столбах,
пишу, бывает, на полях.
С врагом не знаюсь, не дружу.
Друзей люблю и не сужу,
когда бывает что не так,
и ссора мелкая – пустяк.
Пойму я всё, прощу потом,
коль ночью ввалятся в мой дом,
стихов и водки принесут,
нарушив мягкий мой уют.
Пишу, бывает, на полях,
когда с душою не в ладах.
Стихи растут из робких строк:
Я что-то вымучил, я смог.
Я их не клею на столбах,
я их читаю во дворах
друзьям, жене и ребятишке,
седому деду в том окне,
на том, на пятом этаже,
соседке Соне в неглиже,
моим святым учителям,
и в синем небе сизарям.

МАМА КУДЕЛЮ ПРЯДЕТ

Дремлет заснеженный дом.
Тополь скрипит за окном,
и желтая всходит луна,
глядит на распятое окна.
Ночь за полночь, на излёт.
Мама куделю прядет.
(Напрясть бы моток на уток.)
В заботах и час короток.
Готовы основа и стан,
и будний готов сарафан.
Алеет зари лоскуток.
Тянется нить на уток.
Белеет луна за окном.
Стынет заснеженный дом,
и время за полночь идет.
...А мама куделю прядёт.

НОЧЬ

В избушке мама вымела.
Постилая, молилася...
А ночь сапожки вымыла
И с вечером простилая,
И села в доме с красшка.
Свечей не потревожила,
Молодкую умаявшись.
Коса под плат уложена...
Луна висела бледная.
Не плакала, не охала.
В Аргуново из Леденьги
Я шел, махая посохом.
Дорожка не в колдобинах,
И воля не с управою,
И я – ещё молоденький,
И посох мой – забавою.
И пел я, шел, постукивал,
Да вёрсты всё отмеривал.
И кланялся я путникам,
И к храму шёл, уверовав...

ВЬЮГА-ДЕВИЦА

Вьюга-девица, кума,
разрешила, знать, Зима
Вам гулять, шуметь и петь,
коль дала тугую плетъ
для своих лихих коней.
Тройка рвется от сеней.
Полоз скрипнул у саней.
В сундуках ветра, снега.
В кошеве сестра-пурга.
Напросилась подвезти,
хоть расходятся пути.
(Ей на север улетать).
Новой встречи долго ждать...
Пой, сударыня, колдуй
и сундук твой – ветродуй
шире, настезь открывай,
чай, ведь, в нём не каравай.
(Не утянут, не съедят!)

Пусть ветра твои гудят,
если воля есть и власть.
Пой, шуми и царствуй всласть,
коль позволила Зима,
Вьюга-девица, кума.

НЕ ЧЕРЁД!

Осень: в холоде рассветы.
Осень – золото и лёд.
Оттолкнуло осень лето.
Бабье лето – не черёд!

У реки гармонь играет.
Облака, что рушники.
Осень раннюю встречают
на исадах рыбаки.

Лист багряный ветер бросил,
прилетевший от исад.
Что меня к столам не просят?
Или в чем я виноват?

Лист багряный улетает,
будто робкий ветерок.
У реки гармонь играет,
и, видать, хорош игрок!

Он выводит, в переборах,
песню северной реки.
Умолкают в разговорах
на исадах рыбаки.

Словно капли с мокрых весел,
дождь с излучины идет.
Холод в золоте и оснь.
Лето бабье. Не черёд.

* *исада – рыбацья слобода, поселок у берега,
рыбацкая пристань, высадка на берегу.*

И ПАДАЛИ НОВЫЕ ЗВЁЗДЫ

Буланные зиму умчали
под звоны литых бубенцов.
Будили дремавшие дали
весенние песни скворцов.
Нарядных гонцов отрядила
с волнующей вестью весна.
И землю она разбудила
от долгого зимнего сна.
Река собирала, вбирала
множество звонких ручьёв.
Могучей волною играла
возле крутых берегов.
Рекой торопило Ветрило
ладью быстроходную к нам.
Ярило румяное плыло
по синим и белым волнам.
И падали новые звёзды
молочною ночью с небес.
Куражились первые грозы,
живое пугая, окрест.

* Ветрило – ветер (просторечие).

** Ярило – в данном варианте: солнце.

SAPIENTI SAT*

Сверкают каюты камнями и златом,
блистают медали, кресты и ножи.
В затоптанных трюмах военных фрегатов
томятся в неволе шуты и мужи.
И тяжкую долю печальной юдоли
влачат, согибаясь, пастух и пиит.
Лишь ветер летает, примчавшийся с воли,
да песня в оковах в неволе молчит.
И стоны смолкают за скрипом уключин,
за посвистом плётки раба-палача.
И вот уж не видно днепровских излучин,
и никнет к оковам глава горяча.
На палубе женщина в русском костюме
врагам и гостям преподносит вино.
А в трюме удушливом, запертом трюме
рабы без воды умирают давно.
...Есть ныне такие, кто властью упитый,
подмять под себя и полмира хотят.
Забыли, что было, что русскими биты,
но строится тайно разбойный фрегат.

* *Sapienti sat* - для понимающего достаточно (лат.).

СЕТОВАТЬ НЕ БУДУ

Мой удод всё всхлипывал,
жаловался: «К худу...».
Я на то, что выпало,
сетовать не буду.
Запою негромко песнь,
шалый спозаранку.
И пойду, куда невесть,
прихватив тальянку.
Позовет ли старый друг,
боль ударит в спину?
Иль судьба из дома вдруг
уведет в чужбину?
Я пойду, качнув плечом,
груз печали сбросив.
Загрустит отцовский дом
меж раскосых сосен.
А удод кричит в логу,
всё пророчит: «К худу!».
Я согнул беду в дугу
и жалеть не буду.

МОЙ КРЕСТ

За рекой закат кровавый.
Бок отлёживает правый
кот на вымытом крыльце.
Веник в кованом кольце.
Вновь пошаливают нервы.
Донимает ежедневный
в тополях вороний гвалт.
Город ждёт. Я схать рад,
но железное кольцо
на родном крыльце не хочет
отпустить меня пока.
Да далекая река
манит тёплой протокой,
да знакомая сорока
ежедневно шлёт мне весть,
что грибов в лесах не счесть.
Мама засветло сходила,
а меня не разбудила.
Пожалела, знать, меня.
Берегут меня, хранят.
Только я, видать, беспутный
утром, вновь, на перепутье
маме, дому поклонюсь.
А вернусь ли, не вернусь?
Не загадываю боле.
Шаг за шагом через поле
по просёлку ухожу.
Белый крест в руке держу.

И НЕ ЛЕС СТЕНОЙ...

И не лес стеной,
не замок резной,
не кольцо-ворчун двери заперли.
Не соперник мой,
не противник мой —
лиходеи-шугун держат накрепко.

Ни любовь-печаль,
ни свобода-даль,
ни вода быстра — не помощницы.
Лишь взойдёт рассвет —
алый ярок свет,
обовьет крыльцо, путь-замостьице.

Распахнется дверь,
крикнет дальний зверь,
упадет туман по росиночке.
По родным местам
я пойду к крестам
от крыльца, кольца по тропиночке...

УГОЩАЮ НОЧЬ УХОЮ

Черной кошкой с мезонина
по витым крутым перилам
ночь спустилась в лог холодный
у костра со мной погреться,
и который догорает
между плах сырых, кондовых
под безмолвным звездным небом.
Спутник мой печальным мимом
уступает место гостье
и уходит в дол пологий
собирать дрова и сказки.
Он стихов напишет новых,
и смешает в сказках, разом,
этой ночью быль и небыль.
Угощаю ночь ухом
и задорной прибауткой,
для которой место вроде,
лишь за праздничным столом.
Друг мой давний что-то пишет
на березовой оборе,
комаров сгоняя с шеи
можжевселовым крылом.
Тем крылом, который втуне
я себе вязал-готовил,
одряхлевшему Икару
уподобится желая.
Перьев птичьих не хватило,
воска пчелы мне не дали.
Можжевселовые ветви
тонким лыком огибая,
я на берег влез высокий.
Лихо прыгнул, не разбился,
видно Бог простил безумца
за бездумные грехи.
Угощаю ночь ухом,
как любимую подругу,
спутник мой, поэт, сказитель
изливает ей стихи.

ГОРЯТ ПОЛЕНЬЯ

Сусальным златом нехотя покроет,
заря печалась, темный окоём.
Родные дали, ждущие покоя,
сентябрь прощальным жалуёт теплом.
Летающий с ночи, ветер вездесущий
сбивает в небе тучи в круговерть,
И гонит меж дерев буян мятущий
сухих листов раскрашенную медь.
Корабль житейский, с бака и до юта,
скринит в заклепках сломанным замком.
Горят поленья. Полнится уютом
под рыжей липой здравствующий дом.

КАКОЕ ВРЕМЯ – ТАКИЕ НРАВЫ

«Какие времена – такие нравы»

Иван Жига

Какое время – такие нравы.
И в бывшем поле другие травы.
В селе забытом собака воет.
Иль время, значит, пришло такое?

Какое время – такие нравы!
Выходит: нравы, кто нами правит?
А в бывшем клубе танцует ветер,
не пляшут «польку» и «енку» дети.

Такое время – такие нравы.
Заполнен «маркет» чужой отравой.
А мы не сеем, а мы не косим.
Чужое ввозим, чужое просим.

О том стеснаем, потом жалеем.
И всё мы можем, и всё умеем.
Наевшись плотно, ворчим картаво:
«Какое время – такие нравы».

ЛУЧ В ОБОЯХ РАСТАЯЛ

Луч в обоях растаял,
новый день разменяв.
Беспокойная стая
разбудила меня.
Во дворе и на крыше
чивирчат воробьи.
Мой соседка пишет,
пишет оды свои.
Самовар разжигаю.
Дым – кольцом. Кружева.
А сосед, полагаю,
подбирает слова.
Коль на зов не подходит,
коль на чай не идет.
Песнь в воротах выводит
воробьиный народ.
Зёрен брошу ячменных
за ворота, в проход.
Новый день непременно
в наши двери войдет.
И сосед постучится,
и стихи принесет.
Будут чаши «дымиться»,
будут шаньги и мёд.
Будут песни и оды,
воробьиный облёт.
По садам-огородам
жарко лето идет.

КОЛЬ ЗАКОНЧУ КНИЖИЦУ...

Травы я не вытопчу,
Не порушу клён.
Из штанов не выскочу,
Славой не пленён.
Не обижу ближнего,
К дальнему уйду.
С неказистой книжицей
Я брожу в саду.
Моралисты охают:
«Не по праву стих».
Отвечаю с хохотом:
«Бог меня простит».
Я траву не вытопчу,
Не сломаю крест.
Из штанов не выскочу
В злости до небес.
Коли все подстрижены,
Мне затылок брить?
На кого обиженным
Мне, скажите, быть?
Коль закончу книжицу,
Напишу в стихах:
Не обижу ближнего.
Сам не без греха».

МЕЖДУ СОЛНЦЕМ И ЛУНОЙ

В густую зелень старых лип
под монотонный долгий скрип
замшелых сдвоенных стволов,
на доски временных столов,
стоявших грустно у деревьев,
сороку хитрую пригрев,
скатилось солнце, будто диск.
Мышиный заглушая писк
в траве под деревом в саду
кричала утка на пруду,
скликая выводок к себе.
Луна качалась на воде
в тени раскидистых кустов,
и ночь готовила засов
на дверь, меж солнцем и луной.
Заря малиновой канвой
делила небо от земли.
Туманы белые текли
рекой по скошенным лугам,
и жались лодки к берегам
большого барского пруда,
и билась белая вода.
Вечерний звон колоколов
пришел с промокших куполов,
внезапно сбрызнутых дождём.
Сердился прилетевший гром,
звучала музыка без слов.
Бродило лето у столов.
И где-то сватали невест,
и звёзды падали окрест.
Пропало солнце. Жаль. Охрип
среди ветвей зеленых лип
глашатай юности моей –
неделю певший соловей.

ВОРОНЫ

Воля вольная на все стороны.
Утро чистое. Благодать.
Расшумелись, взлетая, вороны.
Дайте маленькому поспать.
Распогодилось утро раннее.
Синь высокая по-окрест.
Не кричите. Не биты-ранены.
Улетайте за темный лес.
Улетайте, крылами черными
воздух синий, упругий сжав.
Улетайте, горласты вороны!
Воля вольная. Даль свежа.
Не тревожьте же, птицы-вороны,
эту светлую благодать.
Вы летите в четыре стороны,
дайте маленькому поспать.

НОЧЬЮ ГРЕХОВНОЙ, БЕЗМОЛВНОЮ

Снится изба под рябиною,
чашка сметаны с малиною.
Лавка приснилась трёхногая,
корова хромая, безрогая.
Снятся крыжовник и яблони,
снятся моченые яблоки,
стол с остывающим ужином,
дочка, ещё не замужняя.
Снятся размытые пристани,
снятся деревни, что призраки,
пруд пред селом заболоченный,
клуб на селе заколоченный.
Снится весна-пересмешница.
Снится соседка-безгрешница.
Снится раздолье покосное,
небо зелёное, звёздное.
Гончие скачут за Овнами
ночью греховной, безмолвною...

БЕЛЫЙ КРУГ

Борт двухсот семидесятый
на земле меня оставил,
улетел, со мной прощаясь,
над Кольцово сделав круг.
Новый день крылом листают
за бетонкой птичьи стаи,
предо мною будто каясь,
торопясь летят на юг.

Где-то ждет другой и странный,
под ветрами пожелтевший
мир, стрелою улетевший,
от звенящей тетивы.
На изрезанной скамейке
свет аргоновый, фонарный
спать ложится на подушку
из березовой листвы.

Я, с тобою расставаясь,
буду помнить долго-долго
говорок с верховий Волги
и тепло любимых рук.
И в рассветном небе стают,
словно звезды, птичьи стаи,
и расплавится под солнцем
над Кольцово белый круг.

СТОЙ МНЕ, ПАША.

Ночью выюжной, ночью синей
в глубине шербагой чашки
догорит, дымя, огарок
стеариновой свечи.
Друг мой верный и старинный
Паша, Пашка, друг мой Пашка,
подари мне свой подарок
в этой северной ночи.
Потревожь свою гитару,
забубенный друг мой Пашка.
Я тебе согрею кофе,
твой уже давно остыл.
Наиграй мотив знакомый
о любимых и о доме.
Средь осинников и торфа
я его уже забыл.
Завтра будут перевалы,
завтра будут перемены.
Трактора возьмут опоры
на промасленный буксир.
ЛЭП пойдет через завалы
долго, верно и не споро.
Поменяется с рассветом
наш заиндепевший мир.
Ветер выл за дряхлой дверью.
Печь грозила нам угаром,
и потрескивали звонко
в старой печке кирпичи.
О любви, надежде, вере
спой мне, Паша, спой не громко,
и пока горит огарок
стеариновой свечи.

СТРАННАЯ ОСЕНЬ

Нынче осень ленивая, странная:
Бабье лето цветет. Благодать.
Вечера прилетают туманные
мёд с горчинкою с клевера брать.
И черничною краскою выписав
и дома, и поляны, и сад,
ночь сыпает созвездья под высями.
Журавли, ошалев, не летят.
И звенит в вышине собирающий
их, гортанно-тоскующий крик.
И в Поюжье, в красе увядающей,
зарождается клин, не велик.
Подступает пора долгожданная.
Под ногой пожелтевшая сыть.
Ныне осень волшебная, странная.
Не могу не писать, не любить.
Только грусть у меня окаянная
под рубахой согрелась ужом...
Нынче осень ленивая, странная.
Ну, а странному, всё нипочем.

НАБОЛЕВШЕЕ

Наболевшее давно
запечатано, почти.
Я пошлю тебе письмо.
Не теряй его, прочти.
Мне лишь адрес написать.
Марку тиснуть, и лети.
Только доброе желать,
улетевшему в пути.
Счастье долями отдать,
не вместилося на листок.
Боли давней не унять,
лишь в конвертике чуток.
Не сказал в письме о том:
(И не стоит говорить.)
Одинок без милой дом.
Одному тоскливо жить.
Осень просится в окно,
уж дрова трещат в печи.
Наболевшее давно
запечатано, почти...

ГДЕ-ТО ХОДИТ КОТ УЧЕНЫЙ...

Сказка исстари вещала:
Кот ученый шел и пел.
А любовь дела венчала,
Лучше нет любовных дел.

Самовар некипяченный.
Ледяна в ведре вода.
Где-то ходит кот ученый,
А ко мне пришла беда:

Не такая, уж, большая.
Может быть «бедёнкой» звать?
Горечь с радостью мешаю,
Только счастья не видать.

И в стихах моих сумбурных -
То ли смех, а то ли грусть.
Молча, осень брови хмурит...
Мы расстались. Ну и пусть.

Самовар некипячёный
Угольками снаряжу.
Где-то ходит кот ученый,
Где-то там, по этажу...

УКЛАД

Стоят, убродившись в осинниках, лоси.
Ручей звонкоструйный, петляя, поет.
Баюкает ночь загрузившую осень
в холодной суземной постели её.
Над сельскою школой кудрявого дыма
в безбрежное небо уходят выюны.
На теплом диванчике тетушка Сима
тревожные смотрит и чуткие сны.
В старинной печурке под свежей побелкой
горит просмоленных поленьев уклад.
В юннатских клетушках красивая белка
да ёж-полуночник грибами хрустят.
Прощальным надрывом темнеющей стаи
мне лето кричит за уснувшим селом.
И юность моя, повзрослев, улетает
за белою стаей, махая крылом.

ПОД КРАСНОЙ ГОРОЙ

Закат за горой догорает багров.
Затихли давно перестуки багров.
Домой разошлись рыбаки с деревень.
В сторожке-избушке вечерняя лень.
Над речкою месяц что тюркский кинжал,
да ветер полощет дощатый причал,
да лодка-вертлявка оцепом звенит,
да грузилом-грузом окатый гранит.

Я в домик за речкой приехать хочу.
Там мама сжигает восьмую свечу.
Там звёзды мигают в зеленом окне,
и тени гуляют на белой стене,
и люлька резная, и полог шелков,
и малый сынишка во власти у снов
улегся, в постельке ручонкой прижав,
почти как живую, игрушку-ужа.

Там, падая с неба, сверкнула звезда.
Упавшей звездой заиграла вода
в речушке холодной под Красной горой,
где сад засыпает осенней листвою,
где в дальней аллее есть маленький дом,
где счастье грустит под зеленым окном,
где с желтой березы печальный листок,
уж ветер бессонный несет на восток.

ЖАРА

Склонилась от дневного зноя
в веранду белая сирень.
Писать и думать было лень.
Я сибаритствовал в покоех.

Жарой пресытились земля
и город сонный словно муха.
Клочки серебряного пуха
роняют грустно тополя.

Июль уходит на закат,
и жар сгорает на излёте.
В своей безудержной работе
лишь звезды белые летят.

А мне всё чудились мороз,
сковавший речку под угором,
лыжня, бегущая пред бором,
изба посреди родных берёз.

И мы - весёлые, смешные –
ватажка шустрых пацанов.
...Встряхнется город ото снов,
и вспыхнут звезды молодые.

НЕ СОБРАЛ СЕБЕ БОГАТСТВА

Тетива тугого лука бурной жизни никудышной
на кистях срывала кожу, возвращая всё к началу.
Я копил в нужде и муках деньги кровные в кубышке.
Капитал свой скромный множа, перепрятывал ночами.
Не нажив себе богатства, я успел уединиться,
от любимых отдаляясь в обособленности этой.
Честь, любовь, семья и братство
 стали, в сущности, делиться,
исчезая в постулатах для меня на бренном свете.
И, однажды, я решился, словно рухнуло полмира,
и друзей своих дворовых за столом собрал дощатым.
По-другому вдруг открылся мир избушек,
 мир квартирный,
даже дождь явился снова вымыть тополь наш кудлатый.
А вино лилось рекою, я гулял лихим купчишкой,
и текли неспешно речи, шапок гости не ломали.
Я уже не ждал покоя, а в окно мне, как мальчишке,
заслонив проём собою, кулачком грозила мама.

ХОЛОД

Входит медленно и мерно
холод в избы, в сердце, в души.
Вялый голос холод душит.
За грудиной больно, скверно.
Отрешенность. Не читаю.
Синькой – изморозь на крышах...
Птичьих выкликов не слышу:
Холод лютый - не летают.
Прячут живность закоулки,
конурёнки и местечки.
Жирный кот на теплой печке –
шесть вершков до рыжей холки!
Сон второй, а как играет
хвост на бабкиной подушке!
...Стук ледышек о кадушку:
мама вёдра выливает.
Из строки сбегает буква
шустрой, маленькою серной.
За грудиной больно, скверно.
На мороз бы?! Дуюсь букой...

ДЕНЬ РУМЯНЫЙ, ЯСНОГЛАЗЫЙ...

День румяный, ясноглазый
разбудил, резвясь, Весну.
Расшумелись все и сразу –
часу ныне не усну.
Сорочиная семейка
раскачалась на сосне.
Из волшебной белой лейки
дождик моет синий снег.
Черный грач идет по пашне,
будто главный землемер.
И красив, тот грач, и важен,
важен весь, без полумер.
Ручеек спешит на речку,
ищет путь среди снегов.
Гонит облако-овечку
сын больших, шальных ветров.
Пес Пускатель в свежей луже
моет битый в ссоре нос,
На луну ночами вост
в подворотне под мороз.
Желтобокие синички
разлетались у гумна.
Из-за ели рукавичкой
машет юная Весна.
А Зима глядит с Увалов,
придержав лихих коней,
Сбросив варежки в кораллах
к облучку резных саней.
И храпят в упряжке кони,
ископытив рыхлый снег,
И умчатся (не догонишь),
уступая день Весне.

И В МОРЕ МНЕ НЕ ВЕЛЕНО ХОДИТЬ...

Качает море лодку на волнах.
Сжигаю кожу рук о вытертые фалы.
Солёный ветер бьет плечом в прокуренную грудь,
Из лодки той всё выбросить пытаюсь.
Велела жизнь мне порох не сжигать
И теплое готовить одеяло.
И в море мне не велено ходить, с волною буйной
велено не спорить,
А я весло в тугую плоть воды вжимаю с силой.
Я воле рад, и песня над волной
Летит к звезде, зовущей и далёкой.

ПЛЯШЕТ ВЕТЕР ЗА ОКНОМ...

Пляшет ветер за окном.
Дождь по крыше барабанит.
Гроыхает утром ранним
В тёмно-синих тучах гром.

Гам грачиный приутих.
Шум долинный слышен еле,
И читает тёмным елям
Дождь весенний звонкий стих.

За раскатом шлёт раскат
Гром, проснувшийся над домом.
Журавли над дальним долом
Песнь любовную трубят.

СИНЕПОЛЬЕ

Синеполье, синеполье –
островок в лесной глуши.
Синеполье, синеполье –
васильки цветут во ржи.
Будто озеро лесное,
будто небо на земле –
поле синее, роднос....
Босиком иду, сомлев
от лазури васильковой,
от дороги полевой,
от прохлады родниковой,
от дождя над головой.
Синеполье, синеполье –
грезы детские во снах.
Синеполье, синеполье –
юность в хлопковых штанах.
Позаброшенное поле –
синь, разлитая в лесу,
да рассыпанные звёзды
на медвяную росу,
да предутренние плачи
краснобровых глухарей,
да холщовые рубахи
одиноких косарей....
Синеполье, синеполье –
край оставленный, родной.
Синеполье, синеполье –
боль, ушедшая со мной.

НЕ ХОДИТЬ БЫ ВОЛОКОМ...

Не ходить бы волоком,
а по речке плыть.
Не терять бы голову,
не женатым быть.
Прыгнет горе с горочки,
будто с ветки рысь.
Время одиночества –
для кого-то жизнь.
Коль стихи не пишутся,
музы не придут.
Если песнь не слышится,
песню не поют.
Что молчанье – золото,
знать бы да не нам.
Будет в небе облако,
значит, быть ветрам.
Мне на год бы в молодость,
мне б любимым быть.
Не ходить бы волоком,
а по речке плыть.

МАЛЕНЬКИЙ КЛОУН

Ты в платье вечернем кружилась неспешно
и в вальсе печальном, кайму теребя,
а маленький клоун, совсем не потешный,
рыдал за кулисой, влюбившись в тебя.
Девчушка-гимнастка вошла, улыбнулась,
смутив поцелуем его, егоза.
И клоун смеётся, и радость вернулась,
но в детских глазёнках сверкает слеза.
И в свете софитов тот вечер качался
на струнах холодных витых проводов.
И маленький клоун знакомым казался,
пришедшим на праздник из прошлых годов.

ВОЛОГОДСКАЯ ВЕСНА

В стороне чужой, далской,
где печаль я пил до дна,
мне почудилась, проокав,
вологодская весна.
Прилетела с первой стасй
громкогласых журавлей,
значит, снег уже растаял
в Вологодчине моей.
Соловьиные распевы
полонили чистотой
синей речки берег левый,
не высокий, не крутой.
В тихом парке над угором
жжёт костер любви весна,
наклонилась над собором
бледноликая луна.
И звенят в раздольном беге
и сверкают родники,
и синее сини в небе
звезд холодных огоньки.
И бсжит к реке дорога,
и спешит по ней весна
вдоль по улице пологой,
в дом знакомый в три окна.
И качается над речкой
шаткий мостик подвесной,
вьёт вода व्यюны - колечки
сине-белою волной.
И стучат по тротуарам
каблучки и каблуки,
город старый и не старый
спит в излучине реки.
...Ты опять меня влюбила,
и опять лишила сна,
соловьями разбудила,
вологодская весна.

В ДЕРЕВУШКЕ-ВЫСТАВКЕ

Звёзды ночка высветит,
Ненадолго высветит:
Облака кудлатые август в небе мнёт.
В деревушке-выставке,
Будто в жизни-пристани,
В доме под берёзами матушка живёт.

Сколько боли видано,
Сколько счастья сведано,
В доме этом дедовом, где тепло-уют.
Рядышком соседские
Ждут дома осевшие,
Что однажды жданные люди к ним придут.

Нет следов над росами.
Песен под берёзами.
Далеко за весями крепнут города.
Рыжие, белёсые
Приезжают вёснами
Земляки на родину. Редко. Иногда.

Вскрикнет выпь встревожено,
Словно конь стреноженный,
Запылит в околице ветер-суховей.
В доме тихо молится,
Долго мама молится.
Плачет Богородица этой ночью с ней.

КЛУБА СЕЛЬСКОГО ОКНА ЖЁЛТЫЕ...

Май исхлёстывал землю грозами:
Что не день, то грозил дождем.
Засвинцовилось небо слёзное,
Словно серым, осенним днем.
Ночь свисала оливковой веткою
Под дождем беспокойным, ночным.
Мы под липой, такой приветливой,
Укрываясь зонтами, стоим.
Клуба сельского окна желтые
Провожают под джазовый гром.
Уж техничка, браня «оболтусов»,
Громыхает упавшим ведром.
Уж заря полыхает яростно,
Сорочиный послышался гам.
Дождик всхлипнул тоненько, жалостно
И сбежал в ручейки к лугам.
Нам казалась дорога доброю,
Добрым был тот весенний дождь.
Так бывает, коль с милым об руку,
К счастьюжданному ты идешь.

ПЕСНЯ О НИКОЛЬСКЕ

Огибала Увалы Юг-река торопливо,
Под смолёные струги намывала песок.
И крепились те струги на песчаном отливе:
Возводили славяне у реки городок.
Были предки могучи, были рослы, красивы,
И молились Яриле, став лицом на Восток.
Так живи ты вовеки и во славу России,
Русский, северный, скромный, наш родной городок!
Не богатством гордимся, а народом Никольска,
Так когда-то Указом городок нарекли.
Начинался со стругов и с иконы Николы,
Ставший городом лучшим Вологодской земли.
Наши песни напевны, и поем не вполсилы,
Воспеваем мы в песнях свой лесной уголок.
Так живи ты вовеки и во славу России,
Русский, северный, скромный, наш родной городок!
Крупным жемчугом скатным ты блестишь средь Увалов.
Окаймленный, омытый чистой русской рекой.
Для гостей издалёка, запыленных, усталых,
Ты от сердца большого даришь хлеб и покой.
Наши храмы святые, очи девичьи сини,
Ты стоишь на распутье трех российских дорог.
Так живи ты вовеки и во славу России,
Русский, северный, светлый, наш родной городок!

ПОИГРАЙ, ГАРМОНИСТ, ПОИГРАЙ!

Поиграй, гармонист, поиграй!
Пой, гармонь вологодская, пой
про далёкий берёзовый край,
про дымок над размокшей трубой.
Ты в избушке в деревне глухой
пой, гармонь вологодская, пой! —

Прогони злую давнюю грусть,
хулиганское что-то сыграй.
Эту песнь повторю наизусть,
как молитву, заклетье, букварь.
Про далёкий берёзовый край
ты сыграй мне, как раньше, как встарь.

И мехов в серебре не жалей,
а устанешь — вдвоём помолчим.
И хлестнёт вдруг апрель-водолей
гибкой веткой по нервам моим
за далёкий берёзовый край.
Поиграй, гармонист, поиграй.

Я домой непременно вернусь.
Пишет мама: «Сынок, прилетай!»
Ты развеяй, гармонист, эту грусть,
ты сыграй про берёзовый край
за деревней далёкой родной.
Пой, гармонь вологодская, пой!

НЕПРИДУМАННЫЕ СТИХИ

Р. А. Панову

Красоту родных сузёмов,
Буйство трав в речных лугах,
Сенокос за окоёмом,
Плач совиный на стогах,
Аромат печного дыма.
Запах хлеба над овином,
Лихоимные години,
За судьбу деревни страх,
Ощущаю ясно, зримо
В непридуманных стихах.
В них, безвычурных, рождённых
Беспокойною душой:
Прелесть страсти потаённой
И кубинской сельвы зной,
Размышления поэта
У заветного ручья,
Недосказанность ответов,
Чудо-песня соловья.
И годов ушедших боли
С белой меткою в висках,
Крик невспаханного поля
В непридуманных стихах.

МЕДОВЫЙ СПАС

Росу отряхнула рябина с оплечий, чуточку ставшая краше.
Шумит самовар перед печью, и мёд золотится по чашам.
Янтарная бражка налита в большую с щербиной ендову.
Идет, отворяя калитки, Спас долгожданный, медовый.
Я стол накрываю богато пред крашеной лавкой-скамьёю,
Садилась, бывало когда-то, за стол мы единой семьею.
Один я сажу на скамейке.
«Вы, сударь, кого-нибудь ждете?» –
Окликнуло кличем жалейки сообщество птиц на излёте.
Я жду не пришедшую осень, я жду очищения миром,
Я верю, что явятся гости ко мне из уютных квартирков.
И встречу гостей я у лавок, и ждёт самовар перед печью,
И август цветной полushалок набросит рябине на плечи.
По кругу пошлю я ендову и снова поставлю налитой,
И Спас золотисто-медовый войдет, открывая калитку.

ВРЕМЯ ХОЛОДНЫХ ЛУН

В звоне рояльных струн
Время холодных лун.
Старинный горит камин.
Он у рояля один.
Маэстро, горит свеча!
Маэстро, душа горяча.
Сыграй для души ноктюрн
«Время холодных лун».
Маэстро устал: не юн.
В зале плывет ноктюрн,
Забытый давно ноктюрн
«Время холодных лун».
Рояль замолчал, допев.
Погасла свеча, сгорев.
В вечность холодных лун
Вечный летит ноктюрн.

В МОЁ СЕЛО РОДНОЕ...

В моё село родное
печаль меня не гонит.
Звезда с холодных высей
белеет у воды.
Тепло чужих ладоней
не греет мне ладоши,
и не тревожит память
холодный луч звезды.

Далёкий буревестник
зовет, забившись в скалы.
Зовёт с собой за море,
как будто я решил
за морем жить без вести,
разбив свои бокалы,
за дом, истлевший в горе,
за злую гниль стропил.

А, может, я услышу,
как дома птица плачет,
как вспыхнет в печке пламя
на родине своей?
Сложу в баул удачу,
и ночью мне приснится
негромкий говор мамы –
страдалицы моей.

РИФМА

*«Эхо, бессонная нимфа,
скиталась по берегу Пиня...»*

А. С. Пушкин. Рифма

Рифму от Феба на бреге Пиня Эхо родила,
Что в страсти любовной однажды на зорьке зачала.
Муза выросла и выросла девой красивой и милой.
Поэтов известных, маститых,
влюбленных в неё, привсчала.
Избранным ею, любовь отдавала на время.
Власть заимев, позволяла и тешилась ласками в неге,
И кланялось Рифме спесивой любителей робкое племя.
Поэты стрелялись, писали. И высылось Эго...

ТРЕУГОЛЬНИКИ ПИСЕМ

Почтальонка-девчонка
опускает глаза:
Треугольники писем,
а на каждом слеза,
Будто росы с берёзы,
будто капли весны.
Или все-таки слезы
отгремевшей войны?

В белом доме на Высях
чья-то мама жила.
Треугольные письма
почтальонка несла.
И на каждом слезинка,
и на каждом слеза,
Как на листьях росинка,
как на травах роса.

Фотокарточки-снимки:
Молодые сыны.
А на письмах слезинки
из минувшей войны.
Треугольники-письма,
и на каждом слеза...
Почтальонка-девчонка
опускает глаза.

УЖ И СОЛНЦЕ НА УБЫЛЬ...

Уж и солнце на убыль,
и печаль у раkit.
Будто красною медью
та рябина горит.
Но не тронула осень
сенокосы снежком,
и речушка играет
под крутым бережком.
Травы рыжи под крыши,
и ветра в частокол.
Мать прерывисто дышит,
рвет рябину в подол.
Вот и август-вершитель
вновь у мамы в гостях.
Словно жаром пылает
та рябина в кистях.
Осень ранняя рядом,
да и лёгок шажок.
И туманы - кружалы
собрались на лужок.
А в церквушке соседней
уж к вечерне звонят.
И зовут перезвоны,
и зовут и велят,
как завещано сдревне-
в мире жить-проживать
нам в родимой деревне,
да вершить благодать.
Там речушка играет
золотистым песком.
Осень-пава гуляет
Еле слышным шажком.
Тихо прячется солнце
спать в хвою-малахит.
Добрый август-печальник
вновь у мамы гостит.

ПАДАЛ ЖЕЛТЫЙ ЛИСТ

Падал лист.

В осинник, в редколесье тёк родник
с ворчливым говорком.

Крыльев свист.

И в сини, в поднебесье журавли взлетали косяком.

Чуют снег

матёрая лосиха с толстогубым крепеньким телком.

Сдержан бег.

Студёная Просниха шлёт волну в замшелый бурелом.

Падал лист

на рыжики, на грузди, на траву, посохшую в бору.

Желтый лист

в протоках и на устье, желтый лист в логах и на юру.

ЖЕЛТАЯ ГРУСТЬ

На костре семиполенном я сжигаю ныне горечь
расстояний и прощаний между мною и тобой.

Бабье лето красит дали в красный цвет и желто-синий,
и уходит осень в сини желто-рыжею тропой.

Отгуляет завтра осень, отрыдает на коленях
желтовласая подруга, с милой «мушкой» над губой.

Будто не было в начале той стены, где крутит время
стрелки медные резные желтых дедовых часов.

Отыграют Паганини чьи-то пальцы на рояле,
и твоя рука закроет дверь на кованый засов.

Ты меня забудь отныне, я тебя не осуждаю.

Пусть к тебе приходит утром лето желтое из снов.

УТРОМ В НИКОЛЬСКЕ

В Никольске утром тридцать три!
Уж отблеск северной зари
румяны девам раздает.
Синиц замедленный полет
закрыло кружево берез.
Спешит из Устюга Мороз.
Курчавый, белый, озорной
он мчит на тройке расписной.
Полоской алой, зоревой
дымок ложится над рекой –
предвестник жгучих холодов.
Зима оставила альков
и вышла выюгами звенеть.
Луны оливковая медь
скатилась тихо на закат,
и трубы черные дымят.
Проснулся город и шумит,
а зорька церковь золотит...

ПОДЧИНЯЮСЬ ПЕРУ

«Думы были чисты и легки, —
я в блокноте писал у реки, —
лишь рыбалка моя, как беда»...
На реке прибывает вода.
Подтопляет река берега,
и листва на воде, как шуга.
Утянуло водой перемёт.
Малый ёрш не клюет, не идет —
Знать, в верховьях, шальные дожди.
Будет осень — иного не жди.
Потемнела брусника в бору.
Коростель приумолк на юру.
Лес грустит, как оставленный дом.
Что-то чуждое видится в нем:
Будто гости разъехались все,
будто дом покосился, осел...
Заглянула луна на чуток,
как березовый, желтый листок.
Заглянула в открытый блокнот.
Наклонилась: «Опять не везёт?»
Подчиняюсь свободе, перу,
коростелю, в уснувшем бору,
и прощаю реке перемёт...
Повезёт — коли жив! Повезет!
Вот и строчку пишу в шалаше...
И светло на реке и в душе!

КОЛЬСКИЙ

Решил: лечу от сочинской жары,
Опять лечу на северную Колу,
Где с Арктики заходит летом холод,
По-вологодски донимают комары,
Где край земли почувствуется остро.
К Хибинам, к тундре, к тысячам озер,
Где вновь с весны со светом перебор,
Я тороплюсь на Кольский полуостров,
Где рыб косяк заходит в створ реки,
Где чаек солнце балует на скалах,
Где склоны от морошки – в цвет опала,
Где в каждом городе – родня и земляки,
Что привечают искренне и просто,
Где кажутся родными комары,
Лечу, устав от сочинской жары.
Лечу опять на Кольский полуостров.

СЛОВО О РУССКОМ ЛАПТЕ

Было время: пол-России
Щеголяло в лапотках.
В поле, в церковь ли носили
С шиком, с форсом на ногах.

Хороши к любой погоде,
И носить-не износить!
Лапти русские не в моде?
Не дано, знать, в моде быть!

Сувенирной игрушкой
Лапти вынесут с лотка.
А ведь помнится: с подружкой
Мы гуляли в лапотках.

И когда-то, каждый третий
Лапти плёл да продавал.
В люльке маленький, поверьте,
Коточиг в руках держал!

В краеведческом музее
Лаптю русскому дивлюсь.
Полюбуюсь, поглазею...
И, с почтеньем, поклонюсь!

ОБРЕЧЕН

Сень туманов к утру — мираж.
Лист кленовый к окну — витраж.
Нерв смятений моих оголён.
Я влюблён в неё? Не влюблён?
Клён разбросил листву окрест.
Снился город моих невест.
Не по мне колокольный звон!
Обречен, обречен. Как стон...
Где мой север, а где мой вест?
Где малиновый благовест?
Кружит ветер кленовый лист.
Обречен я. Вдогонку свист.

ПРИЗНАНИЕ

Ветры притихли в дремучем лесу.
Влюбленные в поле сминают росу.
Снится поэту сермяжная грусть.
Куда же ты мчишься, великая Русь?
Писал для тебя я, плясал для тебя,
Но ветры чужие зазывно трубят.
И я, неумелый, за волею мчусь.
Прости непутёвого, добрая Русь.
Снятся рябины и избы мои,
В цветущих сиренях поют соловьи.
Опять усзжаю. Вернусь? Не вернусь?
И что ж ты не плачешь, любимая Русь?
Бери это сердце и душу, и... пусть!
Приму эту веру, родимая Русь.
Что шею мозолю чужим хомутом,
Что муки познаю, поверю потом.
Пусть тешатся ветры, рождается грусть,
Прости непокорного, светлая Русь.

ЧТОБЫ ПОМНИТЬ
(август 1991 года)

Криком связки надрывая,
я кричу, других не слыша.
На сукне патрон катает
Снайпер, купленный, на крыше.

Август танками грохочет,
плоть людскую рвёт о траки.
Властный кто-то власти хочет,
за штыки, уйдя от драки.

Парень юный под плакатом,
где начертано: «Мы с вами»,
моет кровью спуск покатый,
отшлифованный ногами.

Камнем белым – будто с солью,
красным камнем, камнем синим
шел народ не к богомолью...
Шел народ спасти Россию!

А наёмник-иноземец,
отерев патрон от смазки,
уложил меня на землю,
разорвав мне пулей связки.

БЕЛЫЙ, ГОЛУБОЙ

Моей речка камушки: белый, голубой.
Берегом, по краешку мы идем с тобой.
Кружит листья желтые синяя вода.
Ходят рядом-окою счастье и беда.
Говорила маменька: «Счастье береги.
Счастье, Богом данное, злостью не губи».
Был я зол до одури, глупо ревновал.
Размололи радости злости жернова.
Пароходы белые на реке трубят.
Проводил я берегом, разлюбив, тебя.
Укрывает реченька камушки листвою
у крутого краешка: белый, голубой.

ДУМА ДИРЕКТОРА
КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
В ДЕНЬ АВГУСТОВСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Было то утро спокойным и томным,
И флаг не плескался над местным райкомом.
Тополь развесистый листья ронял.
Город районный знамена менял.
Белели у входов мешки и дела.
Великой Россией сумятица шла.
Шум переделов и рос, и стихал:
Я радио слушал в ПП ЖКХ.
Москва взбунтовалась, а область молчит.
В безлюдной конторе лишь рама стучит.
Спокойствие рвет телефонный звонок:
«Авария! Топит! Поможешь, сынок?»
Но бабушке я в этот день не помог,
Винился, старался – не сделал, не смог.
(Был слесарь в то утро и дерзок, и пьян.
Пропил он на складе полученный кран.)
И стыл надоевший заваристый чай.
«Летай, мой соколик, повыше взлетай», –
С какой-то программы в эфир унеслось.
Бунтует столица. Чего не жилось?
А вечером август прохладу пригнал.
Мужик по Советской корову прогнал.
Я слушал и думал: «Как дальше-то жить,
Коль рвется веками смолёная нить?
...И четверть, ведь, века – как скок воробья.
И снова о прошлом задумался я.
Не понял тогда я, теперь бы понять:
А надо ль нам было знамёна менять?»

БЕССТЫЖЕЕ СЧАСТЬЕ

На вокзале приволие холоду,
Поздней осени бродит вино.
Объявили мой поезд - на Вологду!
Я на родине не был давно.
Проводницу целую грудастую,
Обещаю вино и рубли,
И турецкую кофту цветастую
За короткую ночьку любви.
Уведи нас в купе полутёмное
Нсуёмная, жадная страсть.
Всё отдам я за ночьку истомную,
За твою непонятную власть.
Не была прозорливою молодость,
Не вернуть обещаний назад.
Я сойду у застуженной Вологды,
Ты уседешь одна в Ленинград.
А в потёртом вагоне, в прокуренном
Полупьяно гудит мужичьё,
Кто-то смотрит лукаво-прищуренно
На бесстыжее счастье моё.

ШУМИ, МЕТЕЛЬ-МЕТЕЛИЦА

Шуми, метель-метелица,
белы снега закручивай!
Коль что-то и изменится,
то, лишь по воле случая.

Любовью обделенного
и ей совсем ненужного,
меня, в нее влюбленного,
закутай в белом кружеве.

Закручивай, заверчивай,
разлучница-метелица,
а все ж к моей доверчивой
оставь открытой дверцу.

Другим она обманута.
Любила бы, не верится.
Вины струна натянута.
Мети, крути, метелица!

Гуляй, метель-метелица,
мои следы запутывай!
Коль мелют – перемелется,
но, вряд ли выйдет путное.

А, может, все и слюбится?
И ей и мне поверится?
Лети, лети, голубица,
мети, мети, метелица!

Я МОГ БЫ ВАШЕЙ БЫТЬ РЕКОЙ

Я мог бы Вашей быть рекой,
ласкать волной и мыть Вам ноги,
уставшие и милые, в пыли.
О, если б только Вы пришли!
Я мог бы стать дорогой той,
когда б иной не выбрали дороги.

Любви бы Вашей – сердце под приют.
Храни любовь от недругов, Всевышний!
Из мира бессердечного одну
увез бы Вас в счастливую страну,
где мы вдвоём и ангелы поют
и наши соловьи на белых вишнях.

Обидно ветер холодом стегнул.
Мне парус шить- не слушаются руки.
Отвергнут Вами. Жалок и смешон.
Целую страстно милый медальон,
что даже крышку с образом погнул.
А лёд разлуки бьётся на излуке.

Я мог бы Вашей стать рекой
иль ковриком неброским у постели,
иль желтым лиепайским янтарём
и парусом сырым ненастным октябрём,
светильником, дорогою, судьбой.
Всевластно Вы бы только повелели.

У МАТЕРИ СЕРДЦЕ УСТАЛО...

Будто стеклянные банки,
Наледь на лице стучит.
Ветер свистит из-под дранки,
Осевшую избу студит.

Греет озябшие руки
Мать пред чадящим челом.
Приедут ли дети и внуки?
Тишь — за семейным столом.

Боль в ожиданьи истлела.
Бьётся огонь в кирпичи,
Лижет чугуны закоптелый
В дедовой крепкой печи.

У матери сердце устало,
И жизнь уползает из стен.
Где столько детей нарожала,
Вселяются холод и тлен.

Измучилась мать, постарела,
И выпита чаша до дна.
Вода в чугунке закипела,
Ночь уж стоит у окна.

Тикают ходики чинно.
Старушка сидит у чела.
В черном платке из сатина
Незванная гостья вошла.

СНИЛИСЬ МОНТАЖНИКАМ МАМЫ

В доме колхозном в Залежье,
ставшем приютом приезжим,
«когти» лежали и лазы.
Мешал оцинкованный тазик,
стоявший пред дверью у лавки.
Страховочный пояс удавкой
висел на крючке у лежанки.
Открытая банка солянки
прижалась к домашнему хлебу.
Дырявое плакало небо.
Скрипели на улице тали.
Коллеги-электрики спали.
Уснули и маты, и охи.
Кусались ожившие блохи.
Снились монтажникам мамы,
газета районная «Знамя»,
хвалившая их за успехи.
А в поле еловые вехи
падали в воду под ветром.
Электрикам завтра с рассветом
ямы копать под опоры,
вновь с непогодой споря.
И день будет долог и труден,
обычным их множества буден.
Пока, в приютивших избушках,
электрики спят в раскладушках.

СОСНА-КРУЧИНА

Зимою шалой рубил её
топор железный,
Но рубщик малый не взял своё,
ослаб в болезни.
Его в деревню свезли в санях,
укрыв овчиной.
Стонала тихо, смолой слезя,
сосна-кручина.
Ярилось солнце, ломая лёд.
Темнели тени.
Зима горела. В свой черёд
день шел весенний.
Кричали ветры, неся весну.
Трубили в трубы.
Топило солнце смолу-слезу
на грубом срубе.
На старом срезе желтел цветок
пятном икорным.
В кривые корни стекался сок
из вен подкорных.
В сухой прослойке рождалась жизнь,
спешила к воле.
Зеленой кроной тянулась в высь
сосна в заполье.

В ВОЛОГДЕ ПАДАЕТ СНЕГ

А в Вологде падает снег:
Ленивый, податливый, ласковый.
И город вздыхает во сне,
Укутанный белою сказкою.
Летают снежинки кружась,
Цепляясь к шумящим троллейбусам.
Хозяйка моя заспалась,
Прикрывшись газетою с ребусом.
Жалея, не стану будить,
(Такую проспать красоту...!)

По скверам пойду побродить,
Один постою на мосту.
И падает в Вологде снег
На улицы тихие, сонные,
Сливается зимний рассвет
С огнями рекламы неоновой.
Сигналил знакомый таксист,
Часы прозвенели полпятого,
А я, как юнец-лицеист,
Играю в снежки у Горбатого.
Кричит на мосту молодежь:
«Что, дедушка, греешься? Холодно?»
И пляшет неоновый дождь
На белом снегу по-над Вологдой.

Я ЖИВУ В РОССИИ

Окрашено небо эмалью и смальтой,
Лужи блестят на осеннем асфальте,
И в яркий кумач разодеты осины,
Под облаком плачет косяк журавлиный.
Солнце целует на взгорье берёзы,
И Север ногами грозит морозом,
И кисти рябины разложены в окнах,
И в кадках столетних яблоки мокнут.
Запасов на зиму стоит разносолье.
В лесах нынче воля грибам и раздолье.
Я меряю шагом к болоту дорожку:
Не выбрать брусники, поспела морошка.
В бору между сосен летит паутина,
Туман зацепился за ивы в низинах.
В излучине – город, и желтый, и красный,
То осень, любовно листочки раскрасив,
Цветные ковры расстилает к фасадам,
На крышах домов и к резным палисадам.
И небо висит перламутрово-сине.
И как хорошо, что живу я в России!

Зима доберётся до наших Увалов,
Пригонит морозы, насыплет завалы
Из чистого снега под самые крыши.
Другую страничку в историю впишет.
Весна засверкает звенящей капелью,
Влюблённые свадьбы сыграют в апреле,
А лето насыплет цветов в разнотравье,
Прогонит унынье, здоровье подправит.
В деревню поеду к блинам со сметаной,
И снова для мамы я маленьким стану,
Колечком на печке свернусь засыпая.
За годы разлуки простишь ли, родная?

Приснятся малина да манная каша,
Большое семейство под крышею нашей,
Жена молодая, и сын мой в кровати.
Сынишке целую я тёплую пятку,
И сохнут на печке цветные пелёнки,
Отец мой ворчит, что замучил ребёнка,
Соседи здоровы, и все еще в силе.
И как хорошо, что живу я в России!

ЕСЕНИН И ЗУБНАЯ БОЛЬ

Глотаю смесь из слез и крепких слов,
И зуб больной, расстроившись, шатаю,
Меж двух, в ночи чернеющих, столбов,
Тоскливо ночь с болью коротаю.
Идет сезон осенний, полевой,
Мы строим ЛЭП в таёжной глухомани. *
Мой врач – един - на водочке настой,
Вчера и он закончился у Тани.
Брожу один, читаю Шаганэ.
Чего в глухой деревне делать боле?
Я слугам Тьмы и даже Сатане
Изведать не желал такой вот боли.
Мороз скрипит ледышкой тишине,
Но только звонче, слышится Есенин:
Забыв про зуб, читаю Шаганэ
В ночи промозглой, северной, осенней.

* ЛЭП – линия электропередач.

НАКАЗ

Стихи дописал, и капуста заквашена,
Гостей проводил и поставил забор.
Поеду сегодня на родину Яшина:
В Блудново, на Юг, на Бобришный Угор.
Там нет юбилея, ни памятной даты,
Не красное, нынче, в Блуднове число.
Я принял поэзии правду когда-то,
И сердце к Поэту опять повело.
Бывал я не раз на Бобришном Угоре:
Один и с толпою, и пил, и страдал.
С приезжим, однажды, о Яшине спорил,
К стене прислонившись. Поэта читал.
Что я доказывал гостю заезжему?
И что говорил, не припомню, убей.
Пили «Столичную», утро уж брезжило,
Вилкою в банке ловили сельдей.
А мой оппонент оказался упорным,
Главы из «Свадьбы» читал наизусть.
Сказал он, пожалуй, то главное в споре:
– Коль я не помру, то в Блудново вернусь!
Отсюда – Россия! Как есть, изначальная,
Как светлые воды вот этой реки.
И мне, на Угоре, с улыбкой печальною,
Шепнул, не прощаясь: «Его береги!»
Стоял я хмельной и слегка опарашенный,
Не шел из ума тот ночной разговор:
-Беднее Россия без вашего Яшина.
Храни ты его и Бобришный Угор.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Двое их, двое на утренней улице:
дева молодая, да старый сутулится.
Звякают льдинки, как медные звончики.
Соино бранятся на съезжей извозчики.
В церковь к заутрене пара направилась.
Что ж ты, родимая, с сердцем не справились?
Что ж ты, молодая, выходишь за старого?
Слёзы залили чело благодарово.
Ох, ты, судьбина: с огня да и в полымя!
Словно коня, и тебя за недоимку
отдал папаша богатому, вдовому,
шапкой купился и рысью обновою.
Деньгу немалую в шапку закутывал,
честь твою девичью водкой закусывал.
С холоду вороны бесятся с криками,
только беды бы тебе не накликали.
Будешь ты Богом с постылым повенчана-
повесть печальная, доля ты вечная.
Стерпится, слюбится? Адово жжение —
доля нелегкая преданной женщины.

ВЕЧНЫЙ КРУГ

В поднебесье плачут гуси
и летят, сбиваясь в клин,
над березовую Русью
в край, где старый муэдзин
возглашает с минарета,
хотя прядь святых седин,
в край, где лето, всюду лето,
и кричит в саду павлин,
где, ласкаясь, перья моет
белый утренний прибой.
Нет тревог перед зимою,
и не страшен ветра вой.
Над березовую Русью
клин торопится на юг,
но весной вернутся гуси,
жизнь вернется. Вечный круг.

БЛИЗНЕЦЫ

Павшим за Родину посвящаю

Им всего по двадцать было,
им, оставшимся в окопе.
Миной чёрной их убило
в чёрный час под Перекопом.
Двое, братья – северяне,
Близнецы, опора маме,
в год печальный, в Украине
окунулись в страшный пламень.
И погибли братья вместе,
а, ведь, жить они хотели.
Над звездой их белой жести
льют дожди, поют метели.
И живет, растёт берёзка
из пробитой ржавой каски.
Спят Егорка и Серёжка
вечным сном в земле, без ласки,
в безымянной той могиле,
там в Крыму, на Перекопе.
Им всего по двадцать было,
им, засыпанным в окопе...

НОВЫЙ ГОД

Ветер вскрикнет, взметнув метелицу,
на Поюжье придёт зима.
Полоз скрипнет, и мне поверится-
новогодняя кутерьма!
В царстве сказочном, берендеевом,
дедморозовом, неземном
будем сказывать, будем праздновать
Новый Год, посетивший дом.
Дом согласия, дом содружества,
Дом, где счастье в любви живет!
В доме, в чуме ли, в сакле Азии
Оставайся, мой Добрый Год!
Ты рассказывай сказки детские,
Приноси их с зелёных звезд!
Ель нарядная машет веткою.
Едет с Устюга Дед Мороз.
И Земля по-иному вертится.
Правит тройкой коней зима!
Снова верится, в счастье верится!
Новогодняя кутерьма,
В царстве сказочном, берендеевом,
Дедморозовом, неземном
Будем сказывать, будем праздновать
Новый Год, посетивший дом!

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Отцов, в боях не уцелевших,
забрать у памяти нельзя.
И сыновьям, без них взрослевшим,
суровой выпала стезя.
Им возрождать в воронках поле,
родным вдруг ставшее вдвойне.
И не забыть им долю боли
отцов, погибших на войне.
Хранит в покое это поле,
навек сроднившихся, бойцов.
И стало поле полем доли
сынов, не видевших отцов.
Они стоят на поле боя,
среди окопов и крестов.
Сыны чужие, оба-двое,
сыны, достойные отцов.

ЧТО ЖЕ ТАК СТРАШНО, ЧТО ЖЕ ТАК БОЛЬНО?

Светлая память всем погибшим

Мамочка, мама, меня не убили
черным, чужим, прилетевшим фугасом?
Мама родная, меня не убили
в мирном, горящем, шахтерском Донбассе?
Мама, я ножкой толкнула легонько,
мне уже месяц восьмой наступает.
Что же так страшно? Что же так больно?
...Дочь не родилась. Мать умирает.

СЛАБОСТЬ

Под тёсом крыши,
Под липой банька,
В амбаре мыши
Катают банки.
Макушка лета.
Изба в деревне.
Глядит с портрета
Кудрявый Ленин.
Гуляет кошка
С котом соседским.
Смотрю в окошко –
И сладко сердцу:
Родные липы,
Свои берёзы,
Глотаю всхлипы,
Стираю слёзы.
Себя жалею
За эту слабость.
Стихи слагаю,
Уж то осталось.

ЗРЯ СТРЕЛЯЛИ В КРЕЧЕТА

Власти нет над временем.
Стрелки остановлены.
Быть ли мне потерянным?
Жить ли мне по-новому?
Рощицей окошенной
не ходить с желанною.
Не позвать из прошлого
счастья долгожданного.
Мне ли петь надрывную
песню, по Есенину,
о лугах под ливнями
в непогодь весеннюю.
Девушка повенчана,
и свеча погашена.
Не летать мне кречетом
над холодной пашнею.
Таеж плач над вечностью:
– Зря стреляли в кречета.
Пробудилась реченька,
да сплавлять-то нечего.
Мне крылом простреленным
не махать над осеком.
Звал любовь весеннюю,
боль пришла по осени.

Я ЧИТАЮ О ЛЮБВИ

Метель весенняя шумела.
В сугроб упряжала такси.
Зачем синица зазвенела,
Зачем синица зазвенела,
Зачем синица зазвенела,
Коль ветер в елях голосил?

И сердце трепетно качало
в груди стареющую кровь.
Коль годы к старости умчались,
Коль годы к старости умчались,
Коль годы к вечности умчались,
Зачем пришедшая любовь?

Иль в буйной заросли сирени
гулять шальному соловью?
Иль мне жалеть о воле бренной,
Иль мне жалеть о доле бренной,
Иль мне жалеть о скуке денной?
А я, по-прежнему, люблю!

Я Вам сегодня прочитаю
стихи любимые свои.
И пусть снега горят и тают,
И пусть снега горят и тают,
И пусть метель ещё гуляет,
Я Вам читаю о любви!

ПОДАЙТЕ САНОЧКИ К СТУПЕНЯМ...

Подайте саночки к ступеням.
Засыпан снегом листопад.
И тройку резвых! Непременно!
И, пусть, буланные летят.
И, пусть, извозчик молчаливый
торопит бешеных коней.
Я еду к любушке счастливый.
И думы томные о ней.
...Сменился век неторопливый,
и двадцать первый на дворе.
И снова мальчик терпеливый
к девочке ходит на заре.
Снега летят на сини тели.
Укроют шалью палисад.
Подайте саночки к ступеням!
И кони резвые спешат...
Года минут, и вихорь пенный
дорог взметелит белый ряд.
Подайте саночки к ступеням!
И пусть буланные, летят!

ОБРЕТАЯ ПОКОЙ

Охрипнет ли птица, крича,
спадет ли обуза с плеча,
обижу ли Вас невзначай,
сминая ногой молочай,
уйду от забот не спеша,
весенним настоем дыша.

Умолкнет ли песнь, прозвенев,
иль будет кружиться напев,
от ночки весенней сомлев.
Уйду босиком по земле.
Уйду на встающий рассвет,
оставив на пахоте след.

У белой реки погрузу,
Меня разлюбивших, прощу,
врагов, помолившись, прощу.
Уйду, обретая покой,
и белой звезде за рекой
махну огрубевшей рукой.

БЕЛАЯ РОССЫПЬ

Белые росы и россыпь камней.
Белая россыпь и вечность над ней.
Усталое сердце болит и болит.
Отзвуком эхо летит за гранит.
Тропа побережья, за камни тропа.
Не надобен лекарь, не верю в попа.
Пойду через россыпь у белой воды
до первого света, до первой звезды,
до сладкого вздоха, до новых стихов,
до новой рубахи, до новых грехов,
до красной рябины под белым окном,
до древней деревни, в родительский дом.
Пойду одичалый, почти одинокий,
к началу начала, к родимым истокам,
по россыпи белой, каблук отбивая.
Судьба, уж, такая и россыпь такая.
Пойду, не успевший сказать и допеть:
— Мне выпало время идти и терпеть.

ПЛЫВЕТ МАНДАРИНОВЫЙ ЗАПАХ

Плывет мандариновый запах
над запахом колкой хвои,
и красит малиновый запад
малиною щеки мои.
Шумит вологодская ёлка,
несу мандарины смеясь,
и грею в ладонях иголки,
дыхание сбил торопясь.
Лелею зеленые ветки
я жаром любовным своим,
и мечется, буйствует ветер —
декабрьской поры пилигрим.
И ёлку рубить не пытаюсь,
не срежу, не трону хвои.
Я к платью её рассыпаю
на снег мандарины свои.
Малюет малиновый запад
малиною щеки мои.
Плывет мандариновый запах
над запахом колкой хвои.

НЕ ВЕСЕННИЙ ЭТЮД

Безымянный столб в сугробе застудил приставку-ногу,
и стоит, давно тоскуя, в паутине проводов.
Фонаря стальное око на промерзлую дорогу
сеет тусклым, желтым светом в звонком хрусте холодов.

За окном в крестьянском доме грустно всхлипнула гармошка,
и горит, мигает лампа над неубранным столом.
Извертясь играют тени, в чугуне кипит картошка,
и отец сплетает лапоть и скрипит колодчиком.

Мне шагать осталась малость, и мороз кусает шею,
и сапог скользит помятый на останках бывших вод.
И всплакнет, наверно, мама (я, как маленький, робею),
и сольются в доме тени в благовестный хоровод.

БУДЕТ ВРЕМЯ

Будет время: листья дрожью отзовутся на ветру.
Будет время: гром тревожный грянет громко поутру.
Будет время: кто-то сможет вырыть в парке новый пруд.
Будет время: по дорожке две сестрички побегут,
те, которые сегодня, в колыбелях сладко спят.
К ним, по милости Господней, ночью ангелы летят.
Спят девчушки, спят сестренки. Тихо в доме да уют.
Будет время: юных, звонких песни в дали позовут.
Будет время: поцелуем сон прервёт смешливый луч.
Будет вера. Аллилуйя! Крест воскреснет между туч...

СОДЕРЖАНИЕ

Когда меняют время.....	3
Ибегут через душу строки.....	5
Стихотворения.....	6
Гвозди.....	6
Снилось.....	6
Вольным по свету я хаживал.....	7
Стояла ночь безмолвно странная.....	8
Сказка для внука.....	9
Изящность.....	10
Звезда и мимоза.....	11
Нарумяненная рань.....	12
В песках.....	13
Сказание о весне.....	14
Здравствуй, клеверное поле.....	15
Добрая песня.....	16
Осень листиком медногрошевым.....	17
Поворот.....	18
Два озера.....	18
Русская печка до звона прогрета.....	19
Итожу время.....	20
Звень.....	20
Кто я?.....	21
Отчаянный.....	22
Мать-избушка.....	23
Болиголов.....	24
Падал снег на белый храм.....	25
И чудится мне.....	26
Красный огонь.....	27
В шантане.....	28
Не отдам.....	29
Корень.....	30
Еремка.....	31
В стороне лесного эха.....	32
Одиночество.....	33

Мальчик рисует небо.....	34
Возвращение.....	35
Жалость грея в подреберье.....	36
Сбивают крылья с большого тела.....	37
Дед.....	38
Под зеленым лунным светом.....	39
Поклонюсь.....	40
Мне бы покаяться.....	41
Ладно бы было.....	41
Я играю в дуду.....	42
Серых стогов обветшалые остовы.....	42
Век живи и век учись.....	43
Мы идем перевалами.....	44
У Мирошонков.....	45
Вольные стихи.....	45
И худо мне и ладно.....	47
Лопотали глухари.....	48
В общежитии.....	49
День моих сомнений.....	50
Про фоминский горшок.....	51
Зимнее стихотворение.....	52
Не поют метели в голос.....	53
Не легче.....	54
В дымчатых травах.....	54
Стихи не клею на столбах.....	55
Мама куделю прядет.....	56
Ночь.....	57
Вьюга-девица.....	58
Не черёд.....	59
И падали новые звезды.....	60
Sapienī sat*.....	61
Сетовать не буду.....	62
Мой крест.....	63
И не лес стеной.....	64
Угощаю ночь ухом.....	65
Горят поленья.....	66

Какое время – такие нравы.....	66
Луч в обоях растаял.....	67
Коль закончу книжицу.....	68
Между солнцем и луной.....	69
Вороны.....	70
Ночью греховной, безмолвною.....	70
Белый круг.....	71
Спой мне, Паша.....	72
Странная осень.....	73
Наболевшее.....	74
Где-то ходит кот ученый.....	76
Уклад.....	76
Под Красной горой.....	77
Жара.....	78
Не собрал себе богатства.....	79
Холод.....	80
День румяный, ясноглазый.....	81
И в море мне не велено ходить.....	82
Пляшет ветер за окном.....	82
Синеполье.....	83
Не ходить бы волоком.....	84
Маленький клоун.....	84
Вологодская весна.....	85
В деревушке-выставке.....	86
Клуба сельского окна желтые.....	87
Песня о Никольске.....	88
Поиграй, гармонист, поиграй.....	89
Непридуманные стихи.....	90
Медовый Спас.....	91
Время холодных лун.....	91
В мое село родное.....	92
Рифма.....	93
Треугольники писем.....	94
Уж и солнце на убыль.....	95
Падал желтый лист.....	96
Желтая грусть.....	96

Утром в Никольске.....	97
Подчиняюсь перу.....	98
Кольский.....	99
Слово о русском лапте.....	100
Обречен.....	101
Признание.....	101
Что бы помнить.....	102
Белый, голубой.....	103
Дума директора коммунального хозяйства в день августовского переворота.....	104
Бесстыжее счастье.....	105
Шуми, метель-метелица.....	106
Я мог бы Вашей быть рекой.....	107
У матери сердце устало.....	108
Снились монтажникам мамы.....	109
Сосна-кручина.....	110
В Вологде падает снег.....	111
Я живу в России.....	112
Есенин и зубная боль.....	113
Наказ.....	114
Женская доля.....	115
Вечный круг.....	116
Близнецы.....	117
Новый год.....	118
Поле памяти.....	119
Что же страшно, что же так больно?.....	119
Слабость.....	120
Зря стреляли в кречета.....	121
Я читаю о любви.....	122
Подайте саночки к ступеням.....	123
Обретая покой.....	124
Белая россыпь.....	125
Плывет мандариновый запах.....	126
Не весенний этюд.....	127
Будет время.....	127
Содержание.....	128

Литературно-художественное издание

Лешуков Леонид Петрович

КОГДА МЕНЯЮТ ВРЕМЯ

Сборник стихотворений

Подписано в печать 20.06.2018 Формат 60х84/16

Усл. печ. л. 8,37 Тираж 119 экз Заказ № 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека
160000, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 1 т/ф (8172) 21-17-69